

Андрей Вербицкий

Домен

Андрей Вербицкий
Домен

«Автор»

2026

Вербицкий А.

Домен / А. Вербицкий — «Автор», 2026

Каково это - оказаться в другом мире, в иное время, да еще и в чужом теле?
А если ты не подготовленный боец спецподразделения и весь твой опыт
"выживания" ограничен умением жарить шашлыки на природе? Как тогда
быть? Вот Гавру - молодому экономисту и чего уж скрывать, разгильдяю по
жизни, не повезло. Хотя... смотря с какой стороны посмотреть.

© Вербицкий А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Десятник Фиш	5
Гавр	9
Ронда	10
Глава 2 Гавр	12
Десятник Фиш	14
Гавр	16
Глава 3 Гавр	17
Зурим	19
Глава 4 Гавр	22
Капитан Лазго	24
Глава 5 Бореол	27
Гавр – Грав	28
Глава 6 Зурим	32
Грав	34
Глава 7 Грав	37
Бореол	41
Глава 8 Грав	43
Десятник Фиш	46
Глава 9 Грав	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Домен

Глава 1 Десятник Фиш

Десятник спустился по каменной лестнице на первый этаж обветшавшей казармы, открыл дверь и вышел на улицу. Промозглый осенний ветер сразу забрался под плащ-дождевик, заставляя ежиться от холода, старые раны заныли пуще прежнего. Фиш недовольно кашлянул в пышные усы и поспешил к механической мастерской, размещенной в Серой Башне бароном Ласконом двадцать лет назад, незадолго до проигранной войны. Десятник помнил славные времена молодости очень хорошо, будто не прошло столько лет. В ту пору жить было веселее и уж точно куда как богаче и безопасней, чем сейчас. Тогда еще были целы дворы и башни замковых людей и рыцарей, чьи укрепленные жилища притулились к извилистой, мощенной камнем дороге, обеспечивая дополнительные оборонительные рубежи на подходе к самой уязвимой части укреплений замка.

Теперь нет ни строений, ни людей, чтобы сызнова все отстроить и заселить. Башни рыцарей сровняли с землей, кто не погиб, защищая дома, свои семьи и жизнь господина, тех вероломные враги угнали на рынок рабов в Империю или посадили на свои земли. У десятника в ту пору пропал единственный родственник – племянник, и больше он про него не слышал, а сердце по-прежнему ныло в тоске.

Ничего особенного на землях Ласкона не имелось. Не самое большое и не самое населенное баронство, всего-то девять сел и три десятка хуторов, в которых крестьяне едва сводили концы с концами, сказывалось отсутствие обширных пахотных земель. Бедное владение не привлекало внимания. Захолустье.

С северо-запада и севера владения Ласконов окружали высокие скалы, перераставшие в труднопроходимое плоскогорье. На востоке граница проходила по опушке леса с кишачими племенами мутантов, и если бы не речка Гиблая, прозванная так из-за подводных скал, валунов и быстрого течения, да не дружина баронская, то мутанты давно бы завоевали окрестности и вышли к границам земель, принадлежащих барону Маргрону. А там и до остальных владетелей недалеко. Так что Маргрону выгодно было иметь буфер между собственными землями и агрессивными лесными племенами. Более того, он неплохо зарабатывал на ежегодных поборах с торгового каравана подданных Ласкона за проход по своей территории.

Барону Ласкону такая ситуация, естественно, не нравилась, но что он мог поделать? Не объявлять же войну соседу, у которого в дружине вчетверо больше воинов, магов и големов не самых старых моделей. Зато в обороне замок рода Ласконов имел преимущество. И тысячи воинов мало для взятия главной цитадели.

Все решил случай.

Юрген, сын барона, отправился с друзьями и вассалами в рощу на берегу Гиблой поохотиться. И нашел молодого лесовика в бессознательном состоянии. Убивать его не стал, так как между баронством и мутантами ожесточенных схваток не происходило достаточно давно. Регулярные стычки не в счет, к ним все привыкли и относились как к некоему природному явлению. Молодые люди оказали помощь нахлебавшемуся воды мутанту, наскоро построили плот и переправились не без труда на противоположный берег, где и отпустили очухавшегося лесовика домой.

Каково же было удивление, когда спустя несколько дней заявила целая делегация с того берега реки с благодарственным подношением за спасение наследника вождя племени Рыси. Дар представителей извечного противника людей поверг обитателей замка в шок. Три саженьца Молочного Дерева стоили баснословную сумму. Собирая ежегодно сок этого дерева

и продавая его аптекарям и магам в Империи, Ласконы существенно поправили бы бюджет. На вырученное золото можно было жить всем подданным припеваючи и не работать вообще.

Единственная проблема – сохранить и прорастить саженцы в каменистой и скудной для этого капризного растения почве, но и тут мутанты помогли.

Через пару лет владение начало стремительно богатеть. Барон понимал – долго хранить в тайне наличие Молочных Деревьев никто не сможет, и первым делом закупил новых боевых големов, заряды к крепостным огнестрелам и кристаллы-накопители для служащих в дружине магов. Такая крупная партия вооружения не могла пройти мимо внимания Маргрона. И он вскоре узнал о подаренных саженцах. Это явилось началом конца.

Молочные Деревья пересадить невозможно. Так как они энергетически привязаны к земле, в которой растут, то единственный способ завладеть дарующими звонкие золотые и крепкое здоровье деревьями можно только завоевав земли Ласконов. Уговорив еще двух баронов и наняв несколько отрядов наемников, Маргрону удалось собрать достаточное войско для взятия цитадели соседа. Началась быстрая, но кровопролитная война, которую защитники проиграли, и если бы не мутанты, то не осталось бы от древнего рода никого.

Как и когда лесовики изъяли Молочные Деревья, наверное, уже никогда не станет известно. Потери противоборствующих сторон оказались напрасными. Все это привело Маргрона в бешенство, и он собирался казнить представителей оставшихся в живых Ласконов – деда и годовалого внука – Грива, но и тут вмешались мутанты. Прислали посланника с «настоятельной просьбой» не разрушать окончательно замок и сохранить жизни поверженным. Никаких угроз от мутантов дальше не последовало, но агрессоры не решились завершить начатое. Маргрон ограничился окончательным уничтожением рыцарских башен и подворий, разграблением, угоном большинства выжившего населения и присоединением большей части земель проигравшего барона к собственным.

Так владения Ласконов стали вполтину меньше, превратившись из пусть маленького, но баронства, в домен^[1] с непригодными для обработки, каменистыми землями, на которые даже крестьян не загонишь. Населения почти не осталось, замок частично разрушен, многие воины погибли. Средств на восстановление и на выкуп подданных обратно тоже не осталось. Потеряв столь многое, а главное, жену, двух дочерей, невестку и сына, Ласкон-старший посвятил себя внуку, ни на что не обращая больше внимания. Однако и тут судьба не пощадила барона. Несколько месяцев назад Грив упал с лошади, ударился головой и повредился умом. Состояние наследника становилось все хуже и хуже с каждым днем. Он потерял дар речи и уже почти никого не узнавал. Убитый горем владелец начал быстро угасать и превращаться в дряхлого старика, жизнь которого подходила к концу. Фиш остановился, вспоминая последний, роковой день обороны.

* * *

– Сюда! Сюда!!! – надрываясь, орал кожевенник Гвен, пытаясь алебардой оттолкнуть лестницу от стены. У него не получалось. Тяжелую лестницу с поднимающимися по перекладинам людьми в одиночку сдвинуть никому не под силу. Молодой дружинник Фиш, не глядя, подхватил из ближайшей кучи камень размером с человеческую голову и поспешил на зов. Подбежал как раз вовремя. Первый противник добрался почти до самого верха. Фиш даже углядел налитые ненавистью глаза в смотровой щели забрала.

– Нна, ублюдок! – Камень с глухим стуком врезался в лицевую часть шлема, и вражеский солдат с криком улетел к земле, увлекая за собой нижестоящего товарища. Лестница сразу стала легче килограммов на двести. Фиш, не теряя времени, схватился за древко алебарды Гвена. Вдвоем быстро отодвинули лестницу от стены и сбросили ее вбок. К сожалению, никто

больше из противников не пострадал. Все находящиеся ниже успели спуститься или спрыгнуть, когда поняли, что подняться на данном участке не удастся.

– Пригнись! – Фиш, не дожидаясь ответной реакции неопытного кожевенника, присел и потянул ополченца за собой. Обычная практика при штурме обстреливать из луков и арбалетов места с наибольшим сопротивлением после каждой неудачной попытки взобраться. Вот и сейчас стоило пригнуться, как над стеной и меж зубьев пролетели с десятков стрел и болтов. Над головой бабахнул взрыв, и укрывшихся защитников засыпало каменной крошкой, в ушах зазвенело – один из болтов или стрела оказались с сюрпризом. И не пожалели дорогостоящий наконечник со встроенным накопителем!

– Выродки! – выругался под нос Фиш. – Ты как? – поинтересовался он у ошеломленного Гвена спустя минуту.

– Вроде нормально.

– Это хорошо. Если приходится подолгу быть на виду – следи за действиями лучников. Не то подстрелят. Главное, не дай лестницу приставить вновь. Ежели что – зови на помощь.

– Угу, – закивал кожевенник.

– Вот и лады. Все, я пошел. – Фиш ободряюще хлопнул ополченца по плечу и, прежде чем отойти на прежнюю позицию, приподнял шлем, подшлемник и вытер пот со лба. Жаркий выдался денек. Штурм как начался с утра, так и не прекращается целый день. Враг, пользуясь минимум пятикратным преимуществом в живой силе, атакует не переставая. И пятикратное это только по числу, а не по умению. Тут нужно учитывать, что из четырех сотен защитников замковых укреплений лишь сто девяносто обученные солдаты и несколько рыцарей, остальные – обычные мастеровые и крестьяне, получившие из оружейной мечи да копьа. И то от гарнизона после двухдневной обороны осталась едва половина. А врагов еще тьма. Даже последнему идиоту уже ясно, что удержать замок не выйдет. Но никто не роптал. Все понимали – Маргрон и его союзники пришли не «играть» в войну с целью получения выкупа. Такую силу ради того, чтобы немного пограбить и уйти восвояси, не собирают.

Очутившись на приписанном десятником месте, Фиш перевел дух и тут же вздрогнул от раздавшегося грохота за стеной. Он не удержался и выглянул из дарующего относительную безопасность зубца. Последняя рыцарская башня, выгоревшая изнутри еще поутру, частично обрушилась, породив звуки, словно от камнепада. Хозяйственные постройки огонь уничтожил еще раньше. Фиш поджал губы и удрученно покачал головой. Не хотелось бы ему очутиться сейчас в шкуре рыцаря Лазго. Мало того, что потерял всю семью на днях, так еще и дом враги на глазах разрушили.

– Големы!!! – заорал что есть сил кто-то на площадке надвратной башни.

Фиш перевел взгляд на дорогу и крепче сжал рукоять меча. Рядом пробормотали:

– Вот и все.

– Отставить панику, – рыкнул Фиш, не оборачиваясь. – Отобьемся...

* * *

В тот злополучный день отбиться так и не получилось. Големы пробили ворота, и враги хлынули в брешь, подавляя малейшее сопротивление.

Фиш встряхнулся, приходя в себя.

– Чтoб тебе собственная жена глотку перерезала, – имея в виду Маргрона, произнес десятник вслух. Воспоминания не добавили настроения.

Десятник отворил дверь мастерской и зашел в плохо освещенное помещение. В центре заваленного всяким хламом зала у верстака стоял юноша и ковырялся в отвинченной руке голема. Парень так был увлечен, что казалось, не заметил ворвавшийся с улицы ветер. Десят-

ник прикрыл дверь и подошел ближе. Он с минуту наблюдал за манипуляциями молодого механика, затем кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Дядька Фиш, обожди, – не поворачиваясь, произнес юноша и тут же ойкнул от полученного подзатыльника.

– Ты, Зурим, совсем охамел. Какой я тебе дядька? Для тебя я десятник Фиш. – Воин ткнул огромный кулак повернувшемуся парню под нос.

– Да ладно. Я же не хотел обидеть, – почесывая затылок, ответил механик, ничуть не испугавшись угрозы бывалого солдата.

– Смотри у меня. – Десятник совсем не рассердился на юношу, наоборот – ему даже приятно было, что еще есть кому называть его – дядька. Но старый солдат любил порядок во всем. Не положено какому-то юнцу называть десятника во время службы дядькой – значит, этому не бывать.

– Ты когда голема починишь? Надо патруль отправить к скалам. Марта говорит, что ее овцу саблезуб задрал. Необходимо проверить. Ежели это так, то солдатам без поддержки голема никак не обойтись.

– Локтевое сочленение выскакивает. Изготовить новое не получится. Материалов и запчастей у меня нет. Да и толку-то от его починки... – протянул Зурим, подготавливая гостя к очередным плохим новостям.

– Что еще? – недовольно буркнул десятник.

– Энергии в камне силы осталось миль на восемь-девять пешего хода, а зарядить некому и не за что. Денег-то в казне нет.

Десятник тихо выругался и подошел к сидящему на полу у стены металлическому голему. Последнему голему дружины.

– Что, дружище, и тебя время не щадит?

Глаза трехметрового железного подобия человека вспыхнули голубым магическим огнем.

– Жду приказаний, – прогремел механический голос на всю мастерскую. Голем попытался встать, заведя знак десятника на форме Фиша. Однако без рук подняться ему было тяжело.

– Ему нельзя вставать! – предупредил Зурим.

– Сиди, – махнул десятник голему рукой.

– Служить и защищать. – Где-то внутри металлического тела что-то щелкнуло, и глаза голема потухли. В помещении запахло паленым.

Нехорошее подозрение зародилось в сознании десятника, и он резко повернулся к механику, недобро прищурившись.

– А скажи мне, Зурим... Что у голема внутри так громко щелкнуло?

Парень вжал голову в плечи.

– Да ничего такого, дядька Фиш...

– Господин десятник, – поправил Фиш грозно, постепенно приближаясь.

– Я исправлю, честно. Просто контактный куб^[2] с кристаллом управления^[3] отсоединял и вынимал посмотреть. Любопытно же.

– Ах ты ж... – Десятник попытался схватить юношу за воротник, однако Зурим успел вывернуться и выбежать на улицу. Дверь громко хлопнула, отсекая провинившегося от кулака разъяренного воина.

– Я тебя все равно достану! И на этот раз ты теплой и сухой камерой в подвале не отделаешься!!! – закричал вдогонку Фиш. Преследовать юношу не имело смысла. Деваться ему все равно некуда. Сам придет.

Гавр

– Ну, Гаврилка... – снова приступила к уговорам Юля, – поехали в Прагу, ты мне обещал. Помнишь?

Господи! Как она меня достала!

Я откинул одеяло и в чем мать родила направился в туалет, так и не удостоив ответом свою новую пассию. Она, конечно, прекрасна, спорить не буду, но тупая как пробка. Кроме секса, никаких общих интересов у нас нет. Да и то, подозреваю, что и этот интерес только с моей стороны. В последнее время мне стало этого мало. Пресытился красотками, что ли? Неужели пора остепениться и найти нормальную женщину, за которую не жаль будет помереть? Я немного покрутил в голове эту мысль так и эдак и решил обдумать ее попозже, когда мозги на место встанут после вчерашнего.

Быстро сделав дела, вернулся в спальню и застал лихорадочно собирающуюся Юлю. Губки надуты, на меня демонстративно не смотрит. Дошло, наконец, что Праги не будет или на публику играет?

– Трусики не забудь. – Я поднял с пола кружевной лоскуток и небрежно кинул девушке в руки.

Эта небрежность ее проняла.

– Да ты... да ты... – Лицо покраснело и перекошилось от злобы. Всегда меня поражала способность девушек с ангельской внешностью превращаться в злобных демонов.

Минут десять она разорялась, обзывая меня всякими нехорошими словами. Я не перебивал, лишь один раз отреагировал, когда назвала меня сначала кобелем и сразу после – импотентом. И где логика, спрашивается?

Поймав в монологе паузу, развернулся и пошел на кухню. Все это по-прежнему молча и голым. Это ее добило, видать, окончательно. Дверца холодильника захлопнулась одновременно с входной в мое жилище. Ушла?

Прошелся по комнатам, жуя бутерброд. Никого. Теперь можно вздохнуть с облегчением. В принципе я собирался с Юлей расстаться еще вчера, но она была так сексуальна, что мое мужское либидо не позволило произнести прощальные слова. Можно было попытаться разбежаться и без скандала, но с самовлюбленными и помешанными на собственной красоте девицами мирно расстаться лично у меня никогда не получалось. Подозреваю, что и у других не выйдет. Как же?... Меня, такую блистательную, бросили?

Ладно, все это лирика, но через полчаса мне нужно быть на работе, а это уже проза жизни. Надо собираться, иначе следующую красотку не то что в Прагу, за город на шашлыки не на что будет везти.

Выйдя из подъезда, направился к своему автомобилю. Вытянул вперед руку с брелоком и ключами. Щелкнули замки, словно приглашая сесть в салон.

– Вот... Дрянь! – невольно вырвался возглас.

Длинная царапина, от переднего крыла до заднего, ярким росчерком на темном фоне прямо-таки бросалась в глаза. Нетрудно было догадаться, кто дизайнер и исполнитель сего шедевра. Женская месть. Хорошо хоть, не зарезала пилочкой для ногтей. Мне ничего больше не оставалась, как сесть в «БМВ», вырулить со двора на улицу и влиться в поток автомобилей. Настроение, и так никакое, испортилось безнадежно. Однако стоило мне начать поворачивать на Лермонтова, как дедуля на оранжевом «412-м Москвиче» заглох посреди перекрестка. Блин, не развернуться никак. Впереди дедок пытается завестись. Сзади подпер и, не переставая, сигналил мужик на «Шкоде». И чего сигналишь! Хотел крикнуть. Но не успел. Сбоку мелькнуло нечто черное и большое. Я только в последний момент сообразил, что это какой-то внедорожник, даже не успел испугаться. Последовал удар...

Ронда

Старая Ронда, сиделка, назначенная бароном приглядывать за внуком, вела наследника во двор на прогулку. Грав схватил женщину за руку, а сам без всякого интереса уткнулся взглядом себе под ноги. Ронда что-то успокаивающе рассказывала молодому господину, пытаясь растормошить его сознание, как советовал приглашенный из Родхола лекарь Корнис.

Женщина считала, что от лекаря никакого толку, зря только деньги, причем немалые, барон потратил. Знахарка Марша хоть магией и не владеет, зато травами потчует так умело, что не одну и не две души на этом свете удержала. А этот дармоед... Только и может руками над головой дитятки водить, шептать бестолковые заклинания да последние золотые из господина тянуть.

– Тьфу, бестолочь! – От негодования Ронда громко выругалась.

Грав дернулся от неожиданного перехода с тихой успокаивающей речи сиделки на повышенный тон.

– Прости, дитятко, – всполошилась сиделка и начала поспешно успокаивающе гладить наследника по спине. – Горе-то, какое? Ну, ничего, ничего... Все образуется. Вы, молодой господин, обязательно поправитесь и станете таким же сильным и мудрым, как все Ласконы.

Женщина говорила, говорила, а сама не верила собственным словам. О том, что случится со всеми подданными барона, когда тот умрет, а молодой так и не поправится, она старалась не думать. Знала одно – ничего хорошего.

Стражник открыл ворота донжона, выпуская во двор больного господина и Ронду.

– Как он? – тихо спросил солдат.

Сиделка отмахнулась – отстань, не видишь, что ли?

Стражник нахмурился и отошел. Он не единственный, кого интересует здоровье владельцев. От дееспособности правителей зависит будущее всех людей в округе. Можно, конечно, уйти и к другим баронам или даже в Империю, среди солдат ходят и такие разговоры, но опять же куда податься? Здесь родились, здесь могилы отцов и дедов. У некоторых семьи, дети. Не бросать же.

Ронда внимательно следила, чтобы подопечный, не дай боги, не поскользнулся на мокрых после дождика ступенях. Переживала. Не хватало молодому господину еще раз упасть и удариться головой о камни. Можно тогда на домене крест ставить, да и на себе заодно. Как бы ни был добр и справедлив к подданным барон, за внука и на смертном одре любому горло перегрызет.

Старая Ронда потянула за руку наследника в сторону небольшого сада, разбитого внутри замкового двора. Именно там когда-то росли Молочные Деревья. Сейчас лишь яблони ввысь тянутся, кусты смородины в обилии да несколько клумб, вокруг которых стоят удобные скамейки.

– Скоро придем, сядем, полюбуемся на цветочки, пока еще есть возможность. Вот осень вступит в права и не станет красоты, даденной нам свыше, – приговаривала сиделка больше для себя, чем для молодого господина. Долгие прогулки утомляли ее, возраст не тот уже, поэтому при первой возможности старалась присесть и обождать, когда ноги перестанут гудеть. – Осталось свернуть за угол, пройти мимо Серой Башни, казармы, а там и сад за кованой оградкой будет. Там и переведем дух, господин.

Желанию пожилой женщины не суждено было сегодня исполниться. Стоило подойти к углу, как из-за него вылетел Зурим. Он столкнулся с наследником и сопровождающей его Рондой. Молодые люди отлетели друг от друга и повалились на мостовую. Сиделка инстинктивно пыталась удержать подопечного за руку, но куда там... Раздался звук, будто перезрелый арбуз лопнул, и из-под головы лежащего наследника растеклась лужица темной крови.

– А-а-а!!! – Ронда прижала руки к груди, не веря своим глазам. – А-а-а!!! Убили!!!

На истошные крики сбегались все, кто находился неподалеку. Каждый прибежавший словно спотыкался при виде лежащего в крови молодого господина и стоящего на коленях рядом с телом, обалдевшего от содеянного Зурима.

Появился десятник Фиш, окинул помрачневшим взглядом происходящее, нагнулся и нащупал пульс на шее наследника. Толстые пальцы почувствовали слабый отголосок биения сердца. С души немного отлегло.

– Чего стоим! – гаркнул Фиш. – Ты и ты, – ткнул пальцем в стражников десятник. – Осторожно берите его на руки и в опочивальню несите.

Солдаты сноровисто расстелили на земле плащ, на который аккуратно положили пострадавшего наследника, подняли за края и потащили в покои.

– А ты чего стоишь, старая! Беги за лекарем!

– Ой, – всплеснула руками Ронда и будто молодка побежала к Лазурной Башне, где поселили мага.

– Грал! Механика в подвалы! Запереть и до решения суда господина барона глаз не спускать. Отвечаешь головой.

– Слушаюсь! – Еще один стражник подошел к Зуриму и легонько подтолкнул того кулаком в спину, направляя в сторону подвалов. Виновный и не пытался сопротивляться, подавленный произошедшим.

– Дядька Фиш, – вышел из ступора механик, – не хотел я! Чем хочешь поклянусь!

– Эх, Зурим, Зурим... – Десятник отвернулся. Механик сам выбрал собственную судьбу, и нечего душу бередить. Но авось все образуется. – На милость барона уповай.

Когда рядом больше никого не осталось, десятник нехотя пошел к господину. Докладывать. Что сейчас будет!.. Не хотелось даже думать. С каждым годом жить становилось паршивее, потом с каждым месяцем, теперь, похоже, счет пошел на недели. Вряд ли после повторного удара наследник выкарабкается. Если так, то дни барона сочтены. Не выдержит старик.

Глава 2 Гавр

Мысли путались. Я не мог сообразить, что происходит. Все тело болело. Попытался открыть глаза, вроде получилось. Сквозь мутную пелену увидел свет и наклонившегося врача в голубой шапочке и белой повязке до самых глаз. По интонации понял, что он мне что-то ободряюще сказал, но смысл слов пролетел мимо. Странно. Кажется, с моими руками и ногами что-то начали делать. Мысли текли удивительно медленно. Никак не получалось сообразить, как я очутился в больнице и, главное, – почему? Осознание того, что меня зачем-то привязали, напомнило мне о телепередаче, где рассказывали о докторях, охотящихся за органами. Я дернулся, точнее, попытался, но и этого движения хватило. Дикая боль со скоростью света пронеслась от ног до головы и обратно.

Темнота.

На мгновение полностью вернулся слух, но радости это мне не прибавило.

– Готовьте дефибриллятор!

Снова открыв глаза, увидел синий потолок. Потолок раскачивался. Или это меня штормит? Башка просто раскалывается, мешая сосредоточиться. Аккуратно повернул голову влево и заметил мирно спящую в кресле бабулю. Кто такая? Наряд на старушке словно из исторического кинофильма. Бред.

В голове всплыли воспоминания о ДТП и о больнице. Даже доброго доктора вспомнил. Хм... Тогда кто спит в кресле? Медсестра? Это что за клиника? Да нет... опять бред какой-то. Я осмотрелся внимательнее. Окружающая обстановка привела меня в еще большее замешательство. Камин, с потрескивающими от жара поленьями. Какие-то гобелены с рыцарями, пускающими кровь всяким монстрам и друг другу. И ни следа медицинской техники. Может, я в психушке? Боже упаси. Лучше о таком не думать.

Осторожно повернул голову к окну. Высокое и узкое. Стекла маленькие, квадратные, мутные. Сквозь них пробивался дневной свет. Где-то там, на улице, щебетали птицы и слышались голоса орущих людей. От этих криков проснулась старушенция и увидела меня.

– Здрасьте, – сказал я.

Бабуля достаточно шустро для своего возраста подскочила и что-то ласково залопотала, причем не по-русски. Слова показались знакомыми, но понять, на каком языке она говорит, не мог. Блин, я что? Не в России? Кажется, у меня уже возникали подозрения, что доктора собираются изъять мои органы? Или нет? А как же авария? Точно! Оформили документы о смерти, а сами почку вырезали или вывезли меня в Турцию или Албанию как донора для дальнейших трансплантаций. Надо срочно делать ноги, пока чего-нибудь точно не отрезали.

Попытка встать не увенчалась успехом. Накатила слабость. Непослушное тело откинулось обратно на подушку.

«Напичкали лекарствами, уроды!» – промелькнула паническая мысль.

– Вам это даром не пройдет! – с толикой презрения в голосе и как можно злее произнес громко и отключился.

Следующее пробуждение оказалось нормальным, если так можно выразиться о моем положении. Просто проснулся от посторонних звуков рядом. Не открывая глаза, прислушался. Разговаривали двое на том же смутно знакомом языке. Осторожно приоткрыл веки и увидел сидящих в креслах у камина мужчин.

Один – седой как лунь, худющий дедок, лет семидесяти. Первое, что бросается в глаза, – большой отвислый нос картошкой, густые борода и усы, под которыми губ не видно. Одет в просторную белую рубаху без воротника, с широкими рукавами и вышивкой на манжетах и по

подолу. Смутно помню, что мой прадед по деревне в подобной ходил. И у этого старика почти такая же. А вот синего цвета штаны подкачали, не штаны, а кальсоны какие-то. Ни за что в таких ходить на людях не стану. Хотя старикам, наверное, все равно уже, в чем щеголять. Нигде не трет, не давит, тепло, не рваное, и ладно. Штаны заправлены в высокие кожаные сапоги на шнуровке сбоку. Такие сейчас модно носить.

«О! А это что?» – только сейчас рассмотрел на поясе дедка ножны с нехилым таким ножом. Забавный дедуля, однако.

Второй мужчина гораздо моложе собеседника и еще более потешный. На голове шляпа с квадратными полями. Полностью лица с кровати мне не видно, но мужик без бороды и усов точно. Нос с большой горбинкой. И все. Пока не повернется, рассмотреть лицо не удастся. Что еще про него сказать? На пальцах блестят золотые перстни. Носит длинный то ли халат, то ли плащ такой. Не понять. На поясе тоже висит нож, только по сравнению с тесаком деда... так себе ножичек. Разве что под ногтями грязь ковырять.

Вообще мужики что-то не очень похожи на турок или албанцев. Обычные, по большому счету, физиономии. С другой стороны, мафия имеет интернациональное лицо. Так что все может быть. Как же отсюда выбраться или телефон найти?

Мужик в шляпе повернулся и посмотрел прямо мне в глаза. Недобрый взор такой, липкий. У меня возникло настойчивое желание обладателю взгляда по морде дать. Мужик поднялся на ноги и быстро залопотал, обращаясь к старику. Сто процентов – жалуется, что я уже проснулся. А вот реакция дедка несказанно удивила. Я думал, он сейчас позовет кого-нибудь со шприцом и вколют мне снотворное или гадость какую. Хотя нет, если им нужны органы, то гадость колоть не должны. Клиент обязан остаться доволен новой почкой. Вместо этого дед заулыбался, подошел и присел на краешек кровати. И радости его не было предела, он потрепал меня за щеку, в уголках его глаз стояли слезы.

Чем дальше, тем страньше. Вот черт! Так вот почему он радовался! Меня выкрали для трансплантации органов именно этому старику. Лишние пару лет за мой счет пожить захотел!!! Подкупленные доктора провели все необходимые тесты в больнице, определили совместимость, и теперь я тут. Что делать?!

Наверное, на моем лице проявились признаки паники. Мужики заволновались. Дедок грозно рявкнул, и «шляпник» усиленно начал водить надо мной руками и шепотом молиться. Сразу почувствовался холод внутри, затем жар и слабость. Голова потяжелела, захотелось спать.

Что за хрень тут творится?

Темнота.

Десятник Фиш

Капитан Лазго приказал десятнику поторопить Зурима с ремонтом голема, и Фиш направился в мастерскую. Механику в этот раз несказанно повезло, отделался только десятью ударами плетью. Мог и головы лишиться. Владелец поистине справедлив. Так как молодому Ласкону явно стало лучше после повторного удара головой о землю, то господин барон виновного после приговора к телесным наказаниям и исполнения оного одарил десятью коронами^[4]. Хорошая сумма. Считай, больше годового жалованья десятника. Можно купить на эти деньги два полных комплекта латника или верховую лошадь^[5]. Некоторые пустоголовые солдаты даже завидовали неожиданному богатству Зурима. Что такое десять плетей? Пару дней отлежался, и все, а вот десять золотых – это о-го-го! Однако Фиш быстро раздал тумачи языкастым и прекратил разговорчики подчиненных, не хватало, чтобы о сплетнях прознало высокое начальство. Капитан – строгий офицер и дворянин. Такой обязательно проучит весь десяток за неподобающие высказывания. Тут пахнет не десятью ударами, а кое-чем похуже.

Фиш открыл дверь в Серую Башню и вошел. От резкого перехода со света в полутьму мастерской десятник остановился, привыкая к скудному освещению. Внутри обнаружился полный бардак, и Фиш поостерегся идти дальше, боясь споткнуться сослепа.

В подсобном помещении слышался металлический грохот переворачиваемых деталей.

– Зурим! Опять у тебя бедлам в хозяйстве!

– Щас выйду, дядька Фиш! – послышался приглушенный голос механика.

– Какой я тебе дядька! Сказано тебе, неслух... Надо обращаться – десятник Фиш или господин десятник, – в который раз поправил он Зурима больше для порядка, чем по настоянию. Фиш многое прощал парню. Что поделаешь, нравился бездетному воину этот недотеп.

Наконец появился Зурим с двумя тяжелыми ржавыми конечностями от какой-то старой модели голема.

– Чего хотел, дядька Фиш? – поинтересовался механик.

– Тьфу ты. Говоришь ему, говоришь...

– Чего говорите? – не понял Зурим. По горящему взору десятник понял, что сейчас не время поучать молодого механика, и сменил тему.

– Забудь. Как твоя спина?

– А чего с ней станется? Поболит и перестанет. Знахарка каждый день мажет спину какой-то гадостью. У меня теперь есть чем ей заплатить. – Зурим довольно улыбнулся. Фиш не разделял радости механика, как и небольшой зависти солдат. Уж лучше остаться без золотых, чем сидеть в подвале в ожидании возможной смерти, а потом быть битым. Но каждому свое.

– Ну раз ты в порядке, то скажи мне, чем сейчас занят? Капитан интересуется, когда голема починишь. И давай без брехни мне, – сразу предупредил десятник.

Услышав про капитана, Зурим было сник, но тут же в его глазах снова загорелся огонек.

– Я говорил, что голема починить будет трудно...

– Ты сказал, что запасных частей нет, – поправил юношу десятник, но тот продолжал говорить, словно не слышал, и Фиш мысленно махнул рукой.

– ...в хламе нашлись руки от голема модели «Охотник». Конечно, локтевые сочленения несовместимы с «Громовержцем», однако есть возможность подогнать плечевые шарниры и заменить руки целиком. Получится полноценный штурмовой голем. Правда, вооружение «Охотника» отличается от оружия «Громовержца», но я что-нибудь придумаю.

Идея была не оригинальна. За годы службы Фиш видел и не такие совмещения деталей от различных моделей. Но без магов, которые могут записать в кристалл управления дополни-

тельные навыки, голем не сможет эффективно сражаться незнакомым встроенным оружием. Но лучше так, чем никак.

– Ты говорил, что кристалл силы почти пустой, – напомнил десятник.

– Не моя проблема, – сказал Зурим и развел руками. – Это к магам. Мне приказали починить, я чиню.

– Хорошо. Скажу капитану, что через три дня голем будет готов.

– Э-э... погоди, погоди, дядька Фиш, – забеспокоился механик. – Не так скоро. Мне еще от ржавчины надо избавить металл и подогнать. И вообще...

– Ладно. – Десятник ухмыльнулся. – Скажу пять.

Механик облегченно выдохнул.

– Но при одном условии.

– Каком? – ожидая подвоха, спросил Зурим.

– День тебе отвожу на уборку мастерской и сортировку хлама, – поддел десятник парня. – Глядишь, еще чего полезного найдешь, а то развел тут беспорядок... Смотри, соизволит к тебе зайти с проверкой господин барон, поглядит, во что ты превратил доверенное тебе имущество, и плакали твои денежки.

Убедившись, что Зурим осознал важность соблюдения порядка и возможные последствия, если будет не так, десятник развернулся и вышел на свежий воздух. Яркий солнечный свет ударил в глаза, заставляя щуриться. Фиш, пока дверь не захлопнулась, крикнул:

– И зажги еще лампы! Сидишь в темноте, будто в каземате!

– Хорошо, дядька Фиш! – глухо донеслось через уже закрытую дверь.

Гавр

Гуляя, я рассматривал замковые укрепления. То, что это не крепость, стало понятно сразу. Я, конечно, не специалист, но на пару любопытных сайтов о Средневековье в Сети наткнулся. Из прочтенного твердо уяснил – замок меньше крепости по территории и, по сути, является единым жилищно-оборонительным комплексом, объединенным галереями, переходами, мостами и защитными рубежами с отдельно стоящим внутри донжоном. В то время как крепость не только укрепление, но и поселение с домами, складами и храмами внутри внешних укреплений.

За мной постоянно бродил кто-нибудь из воинов и внимательно следил, чтобы я не поднялся на стены. Стоило ступить на лестницу, как меня вежливо одергивал сопровождающий и просил вернуться во двор. Сначала думал – бояться, что могу сбежать, но вскоре понял, что это не так. Все просто опасаются повторного падения. Такое уже случалось, судя по перебинтованной голове. Она еще болела, но уже не кружилась. Что не могло не радовать. В общем, пришлось временно оставить попытки забраться на стену и довольствоваться малым. Правда, это «малое» относительно, ведь в передвижении внутри замка меня никто не ограничивал и даже в оружейную разрешили заглянуть.

Вспомнился момент, когда впервые увидел собственное отражение в зеркале. Оно заставило невольно содрогнуться. Бледный, осунувшийся, совсем молодой и, самое главное, – НЕ Я! Долго не мог прийти в себя после увиденного. Но постепенно успокоился и постарался осмыслить новую действительность и найти ответы на ворох возникших вопросов.

Исходя из отношения ко мне людей, парень, чье тело я занял, не последний человек в замке и окружающие не в курсе произошедших изменений. Почему решил, что я важная персона? Да очень просто. При встрече все кланялись. Поначалу кланялся тоже, на всякий случай, но понимания не нашел. На меня смотрели как на сумасшедшего, с изрядной долей сочувствия во взгляде. Пришлось отказаться от проявления аналогичной вежливости в ответ.

Следующее: решил молчать и не задавать вопросов. Местный язык пока не освоил – значит, настораживать людей не следует, опасно для здоровья. Бабулю, которая слышала русскую речь, в расчет можно не брать. Кажется, она не поняла, что произошло, и приравняла непонятные слова к бессвязному бреду пришедшего в себя больного. Пускай лучше считают, что у меня потеря памяти.

Все же интересно – где я и как тут очутился? Однозначно, я не в Албании и не в Турции. И там и там наверняка есть глухие места, но не затерянные огромные замки! К тому же без водопровода, канализации и электричества! И ладно нет воды, но отсутствие света!..

После внимательного наблюдения за жильцами пришлось отбросить мысли о секте, отказавшейся от благ цивилизации, о странном туристическом центре для любителей ролевых игр и тому подобных версий. Здесь из «туристов» только я один, и единственный среди мужчин, у кого на поясе не висели ножны с мечом или, на худой конец, с ножом. К тому же ни одна из версий не объясняла, почему нахожусь в чужом теле и что стало с моим.

А рожи какие у всех! У одного шрам через все лицо, у другого кожа в огромных оспинах (где он вообще умудрился оспой переболеть?), у третьего передних зубов нет. И вообще хорошие зубы здесь лишь у молодых. Где дантист? Почему вместо доктора приходит мужик в шляпе и лечит руками? То, что это именно лечение, не подлежит сомнению. После каждого его посещения чувствую себя лучше и лучше. Где все, к чему привык? Вопросы, вопросы. А ответов нет.

Короче. Придется оставить временно все как есть. Без знания языка узнать что-либо не представляется возможным. Буду слушать, запоминать и учиться.

Положительный момент прослеживается покамест один – я жив.

Глава 3 Гавр

Перелом в однообразии наступил на одиннадцатый день моего пребывания в замке. Во время очередной прогулки услышал страшный грохот в одной из башен. На шум начал сбегаться народ, и я вместе с сопровождающим воином (сегодня по пятам следовал угрюмый здоровенный детина) пошел из любопытства туда же. Интересно стало, кто отважился нарушить пасторальный жизненный уклад местного населения? Вон как разбегались и раскричались.

Детина положил мне на плечо свою ладонь размером с пехотную лопату и сжал, останавливая. Машинально попытался вывернуться, да не тут-то было, лопата превратилась в клещи, и вырваться не получилось. Ну да ладно, не впервой одергивают. Тем более действие впереди начало полностью захватывать мои мысли, заставив на некоторое время, забыть о неопределенном положении.

Около входа в квадратную башню, пристроенную к замку с восточной стороны, собралось человек двадцать. Наверное, все, кому делать было нечего. Прибежали несколько стражников при полном параде – в кирасах из кожи, в стальных шлемах. Солдаты – это понятно. Им по должности положено реагировать на творимый беспорядок.

Среди воинов выделялся серьезный мужик, в начищенном до блеска пластинчатом доспехе, с кучей перьев на шлеме. Этот офицер пару раз уже мелькал перед глазами на днях. Ко мне не подходил, но каждый раз вежливо кивал и шел по своим делам дальше. Так вот этот дядька быстро взял бразды правления в руки, и солдаты засуетились, начали отгонять зевак от двустворчатых высоких дверей. Кто не успевал отбежать вовремя, получал хорошего пинка под зад. Даже женщинам досталось.

Все интереснее и интереснее. Не замечал раньше такого отношения служивых к людям.

Внутри бабахнуло. В дверь что-то врезалось изнутри. Послышался треск. Офицер заорал в нашу сторону, и охранник потянул меня подальше от места событий. Я не сопротивлялся, но постоянно оглядывался и успел увидеть спешащих на подмогу стрелков с арбалетами. Кстати, у арбалетов интересная конструкция. В Средние века такие вроде не делали. С двумя парами дуг или плечами друг над другом, точно не помню, как они называются. Мне – заместителю директора по финансам – эти знания на фиг не нужны были.

То, что случилось далее, повергло меня просто в шок. Мы еще не успели отбежать за угол, как доски, обшитые медными пластинами, разлетелись в разные стороны. Наружу, немного пригибаясь, вылез огромный робот. Послышались панические крики женщин. Я резко затормозил и уставился, раскрыв рот, на это чудо. На мгновение засомневался – может, этот человек в доспехах просто громадный? Но, заметив голубой свет в глазницах, отмел предположение.

Все-таки робот? Но откуда? Как?

Солдаты резко отшатнулись от механического монстра, выставили перед собой копья и прикрылись щитами. Арбалетчики прицелились. Робот повертел головой туда-сюда, изучая обстановку, и неожиданно напал.

Правая кисть сжалась в кулак и с шипением выстрелила в направлении солдат. «Снаряд» на цепи врезался в выставленный щит одного из стражников. Удар оказался настолько мощным, что щит развалился на множество частей, а неудачника отбросило на несколько метров назад, где он и остался лежать без движения. Одновременно с отделением кулака на цепи передняя часть левой руки распалась пополам. Изнутри выдвинулись металлические штуки и заходили вперед-назад с громкими щелчками. Правда, без видимого эффекта. Никто не пострадал. С запозданием и изумлением сообразил, что это встроенный в предплечье многозарядный арбалет.

Дальше стало еще интереснее. Робот понял, что заряды в руке отсутствуют, и сделал шаг навстречу жидкой шеренге копейщиков. Воины не стали дожидаться, когда их размажут

по земле. По команде разбежались в разные стороны, одновременно увеличивая дистанцию, а стрелки выпустили все болты из арбалетов, на поверку оказавшихся двухзарядными. При попадании в корпус болты воспламенялись, порождая яркие вспышки. Я невольно прикрыл глаза рукой и часто заморгал, прогоняя черно-белые пятна. Вспомнилось: в детстве, когда с друзьями поджигал серебрянку, эффект был такой же. Пока приводил зрение в порядок, оказывается, все уже закончилось.

Трехметровый робот лежал на спине без движения. Из его груди курились струйки дыма. Попавшего под удар подняли товарищи и быстро потащили куда-то. Надеюсь, спешка означает, что солдат все-таки остался жив. Не обращая на охранника внимания, скорым шагом пошел обратно. Любопытство снедало меня, хотелось рассмотреть механическое чудо вблизи. В голове не укладывалось увиденное только что.

Чепуха какая-то! Стражники с мечами противостоят высокотехнологичному аппарату... вооруженному арбалетом и пудовым кулаком на цепи? И чем они умудрились его завалить? Не понимаю.

В корпусе робота зияли оплавленные дыры. В глубине изредка вспыхивали разряды, пахло озоном и машинным маслом. Ближе подойти и рассмотреть подробнее не позволил офицер. Завидев меня, он проорал:

– Куда прете, ваша милость?! Лоб, уведи господина в покои!

– Извините, хотел рассмотреть поближе, – автоматически вырвалась фраза на том же языке.

Окружающие уставились на меня, забыв на мгновение про робота. Я тоже ошарашенно переводил взгляд с робота на офицера и обратно. Мысли лихорадочно забегали в голове. Это что ж получается? Мне достались навыки и знания бывшего владельца тела. Надо лишь набраться терпения и дожждаться, когда они всплывут из подсознания? Это немного обнадеживает. Даже сказал бы – радуется.

Попытался произнести что-нибудь еще, но с ужасом понял, что слова местного языка напрочь выветрились из головы. Я от досады скривился. Надо поэкспериментировать. Нужен собеседник, срочно! Такой, который не станет болтать лишнего или воспримет ошибки в речи как следствие от потери памяти.

Мои размышления прервало появление из башни юноши. Соломенные растрепанные волосы торчат во все стороны, лицо почернело от сажи, одежда местами изодрана. Несладко ему пришлось наедине с вышедшим из-под контроля роботом! Парень, переминаясь с ноги на ногу, робко спросил что-то. Офицер грозно рявкнул и показал солдатам на парня рукой. Тех не нужно было долго уговаривать. Злые, еще не отошедшие от стычки, воины подхватили чумазого виновника инцидента, не нужно быть гением, чтобы понять это, и под «белы ручки» потащили в местный аналог тюрьмы. Я же, бросив последний любопытный взгляд на чудо инженерной мысли, отправился в свою комнату, с намерением осмыслить в тишине случившееся. Дитина потопал следом.

Зури́м

Зури́ма заперли в той же камере, что и в прошлый раз. Механик понуро опустил на подстилку из залежавшейся соломы и предался самобичеванию вслух.

– Сам виноват! Зачем вставил трофейный кристалл управления?! Зачем?! – Зури́м от злости на самого себя закрипел зубами, сдерживая слезы. – Теперь мне конец. В лучшем случае засекут до полусмерти, а потом отправят батрачить в поле, подальше от големов. А если Кнут помрет, то и подавно – голову с плеч снимут. – Зури́м не выдержал и несколько раз судорожно всхлипнул.

В коридоре слышались шаги, и молодой механик рукавом попытался вытереть слезы в безуспешной попытке скрыть предательскую влагу, но лишь размазал их по лицу. Любой зашедший сразу бы понял состояние заключенного по черным разводам грязи на щеках. Окошко в двери открылось, и в свете факела показался десятник Фиш. Лязгнув засов, и он вошел в камеру.

Десятник молчал, и Зури́м не решился открыть рот первым.

– Что ты наделал? Капитан рвет и мечет. Грозится повесить тебя. Он направился к господину барону отчитываться, и что теперь с тобой будет, только боги ведают. Эх! – Фиш покачал головой удрученно. – Рассказывай все как есть. Если твоей вины нет... – десятник тяжело вздохнул, – из кожи вылезу, но постараюсь оправдать тебя перед господином.

– Не получится, дядька Фиш. – Зури́м вздохнул и почувствовал, что вот-вот разрыдается. С трудом взял себя в руки и поведал, как оно было.

* * *

Наводить порядок Зури́му было откровенно лень, но игнорировать приказ десятника, не смел. Тем более угроза посещения мастерской капитаном или стариком Ласконом с инспекцией вполне реальна. Завидев лежащие детали в углу, под столом, у стен, а не на стеллажах, хозяин действительно покарал бы механика. После недавней порки с неожиданным поощрением попадаться на глаза не хотелось. Пришлось приступить к неприятным обязанностям.

Юноша провозился до самого вечера, распикивая запчасти на предназначенные для них широкие полки. Когда закончил, оглянулся – не забыл ли чего? И заметил под стеллажом торчащий край деревянного тубуса с чертежами, на который не обратил внимания во время уборки. Зури́м медленно подошел, нагнулся достать его и нечаянно толкнул носком сапога. Тубус покатился дальше и пропал из вида. Устало ругнувшись, парень опустил на пол, доски под коленями тихонько скрипнули. Зури́м дотянулся до округлой поверхности и попробовал, перебирая пальцами, перекатить тубус ближе. Не получилось. Раздосадованный юноша лег на живот и вытянул руку, пачкая рукав в многолетней пыли. Схватив непослушный предмет, потащил к себе и только сейчас заметил возле стены кристалл, встроенный в контактный куб.

Парень моментально забыл про усталость и все остальное. Он, расцарапывая плечо о нижнюю полку, буквально втиснулся между полом и стеллажом с намерением всенепременно завладеть неожиданной находкой. Стоило кубу с кристаллом оказаться в руке, тут же полез обратно.

Зури́м восхищенно уставился на кристалл управления с клеймом императорского цеха механиков на кубе. Видно было, что его сотворили еще во времена династии Райндоров, когда Свободные Земли еще входили в состав Арлонской Империи! Настоящее произведение магического и инженерного искусства! Такие сейчас не делают. Современные големы не чета моде-

лям прошлого – глупее и не обладают былой мощью. Жалкие подобию изделий старой Империи!

«И вот часть этой мощи сейчас у меня в руках! – с ликованием думал юноша. – Наверняка учитель достал где-то! Пусть ему будет хорошо в Чертогах Небесных».

В этот момент ему попался на глаза «Громовержец», которого следовало давно починить. Волна нетерпения зародилась в груди и prošлась мурашками по всему телу. Механик приступил к работе. Пол в тот день он так и не помыл.

Сначала пришлось подгонять руки от разобранного «Охотника». На это ушли почти сутки, во время которых он почти не спал и ел, не замечая вкуса. Процесс восстановления полностью захватил все помыслы. Зурим спешил поскорее привести корпус голема в порядок и вставить внутрь найденный кристалл. Постоянно бросал нетерпеливые взгляды на творение древних мастеров и каждый раз одергивал себя:

– Сначала собрать голема. Эксперименты потом.

Десятник дал ему день на уборку и четыре на ремонт. Он справился за три. Измотанный до предела, с красными от недосыпа глазами, юноша, будто священную реликвию, взял двумя руками куб с кристаллом и вставил в специально предназначенные для этого пазы в глубине бронированного корпуса. Трясущимися руками подключил контакты, защелкнул крышку и, как последний штрих, вдавил и зафиксировал пластину активации кристалла силы.

Внутри голема зародился гул, сначала на пределе слышимости, но с каждой секундой звучал победной песней громче и громче. Наконец в глазницах вспыхнул огонь, голем устоялся на механика холодным взглядом и медленно поднялся на ноги.

– Включите браслет опознавания и назовите себя или будете уничтожены. – Слова прозвучали неожиданно угрожающе и на некоторое время ввели Зурима в ступор. Он машинально посмотрел на запястье, перехваченное ремешком, и пощупал вделанный в металлическую оправу камень с руной «Ши», настроенный на него еще учителем. Камень оказался теплым. Должно быть все в порядке!

Молодой механик не понимал, что происходит. Голем протянул руку в попытке схватить его, и это движение заставило парня отпрянуть. Лишь сейчас до него дошло, какую ошибку он совершил. Ведь именно во времена правления Райндоров, триста лет назад, произошло восстание в восточных провинциях. Терзаемая со всех сторон враждебными государствами, Империя не смогла найти в себе сил противостоять еще и взбунтовавшимся баронам востока.

Начав войну с Королевством Гроз, император надеялся на быструю победу, но в войну вступил Полуденный Морской Союз, чей флот, надо сказать один из самых мощных, достаточно быстро обескровил южное побережье и блокировал торговые порты, лишив Империю большей части финансовых поступлений в казну. В центральных провинциях тоже не все оказалось гладко. Крестьяне, мастеровые и купцы под тяжестью налогов зароптали. Дворянам также не нравилось текущее положение дел. Многочисленные поражения, потеря сыновей в начатой императором никому не нужной войне вызывали недовольство властью все чаще. Арвазгар III постепенно утрачивал влияние за пределами столицы. Для Райндоров все окончилось плачевно.

Кровавый переворот во дворце привел к смене правящей династии, и на трон взошел Барфулл, князь Ранхара. Чтобы удержать власть, ему нужно было срочно окончить войну и дать недовольным то, что они хотят. Дипломаты заключили мир на условиях, не выгодных Империи, но выбор был невелик – ввергнуть государство в пучину хаоса или лишиться меньшего, чтобы сохранить большее. Барфулл I вынужденно подписал мирные соглашения, в которых отказывался от трех портов с прилегающими землями и выплачивал контрибуцию в четыре миллиона золотых корон. Помимо этого Арлонская Империя потеряла восточные земли. Для продолжения войны с многочисленными бунтовщиками на востоке у новой власти не оказалось в казне необходимых средств.

Так появились Свободные Земли. Отголоском именно тех тревожных событий оказался найденный кристалл. Наверняка он остался от поверженного голема карательных отрядов Империи! Если бы у Зурима имелась лишняя минута, он бы обязательно постарался исправить ошибку, но ее не было.

– Как я мог забыть?! – От отчаяния юноша громко взвыл и едва успел кувыркнуться подальше, избегая пролетающего на цепи кулака.

Голем втянул кулак обратно, шагнул к Зуриму ближе и выстрелил снова, угодив в стеллаж. Запчасти разлетелись в стороны и попадали с грохотом на пол. Следующий удар пришелся на верстак, под который, спасаясь, забрался механик. Столешница развалилась пополам, больно ударив Зурима по спине и осыпав щепками и инструментами. Пока цепь с грохотом втягивалась обратно, перепуганный механик выбрался из-под верстака и успел скрыться за толстой дверью на лестницу, ведущую на второй этаж. Он успел пригнуться, когда за спиной разлетелись доски от удара ноги голема. Не останавливаясь, юноша взбежал по каменным ступеням выше и скрылся за поворотом, и только здесь остановился. Сердце бешено кололось, норовя выпрыгнуть из груди, но постепенно успокаивалось. Слишком узкий проход не позволит трехметровой машине смерти добраться сюда. Однако Зурим не успел порадоваться спасению. Заслышав удары в дверь, ведущую на улицу, – ужаснулся. Голем стремился выбраться из башни. Если кто-нибудь погибнет, то он не простит себе этого до конца дней своих. Набравшись решимости, механик пошел вниз в надежде, что по пути придумает, как остановить голема. Однако, оказавшись на улице, увидел – его помощь никому уже не нужна.

– Э-э-э... Все в порядке? – спросил он робко у капитана, стараясь не смотреть тому в глаза. Понимал – если сейчас его не прибьют, то прикончат потом, а когда заметил лежащего без движения Кнута, уверовал, что так и будет. Слова капитана подтвердили наихудшие опасения.

– Это отродье в камеру!!! Глаз не спускать! Поставить до суда охрану!

– Ну, в общем, дядька Фиш... Такие вот дела, – грустным голосом закончил парень рассказ и замолк.

Седой воин молчал долго, переваривая услышанное.

– М-да... Заварил ты кашу... Не расхлебашь. – Десятник еще с минуту размышлял в тишине и сказал: – Я сделаю все, что смогу. Но ничего не обещаю. Ты не спеши себя хоронить. Никто не погиб. Глядишь, и в этот раз пронесет. Одно могу сказать твердо: если его милость оставит тебе жизнь – к мастерской не подпустят никогда.

Зурим понуро опустил голову, признавая печальную правду.

Глава 4 Гавр

Занятно, откуда взялись роботы? Все страньше и страньше мир вокруг. Сочетание примитивных орудий убийства и сложных механизмов! Хотя насчет примитивизма я, возможно, погорячился. Наконечники арбалетных болтов явно непростые. Но все же! Будь местные цивилизованнее, до водопровода додумались бы. Скорее всего, техника досталась им от более развитых предков. Логично? Несомненно. Приспособили под собственные возможности – и ура, в бой, за короля!

Я недовольно поморщился и замедлил шаг.

– Нет, все-таки что-то в моих рассуждениях не так, – тихо произнес я. Какая-то подспудная дума засела глубоко и не желала успокаиваться.

Шаг и еще один. Остановился.

Мысли резко сменили направление.

От окна до двери ровно шестнадцать шагов, а еще я откуда-то знал, что от стены до камина восемнадцать таких же шагов. Странно. Сейчас проверим. Отойдя к стене, пошел, считая вслух.

– ...семнадцать, восемнадцать!!! Черт! – невольно вырвалось громко. Всплывшее знание заставило задуматься: плохо это или хорошо? Очередное наследство от бывшего хозяина тела? Да и привычки размышлять, меряя комнату шагами, за собой никогда не замечал. Интересно, а ОН сейчас где? На Земле? Лежит в реанимации или умер там, в больнице, вместо меня? Брр.

Дверь тихонько скрипнула, и в щель осторожно заглянула физиономия слуги – средних лет мужичка. В последние дни он всегда сидел в коридоре в ожидании, когда понадобится. По естественным причинам его никогда не вызывал. Не мог ничего сказать мужику, потому как «болен» я для всех.

– Звали, ваша милость? – как-то несмело спросил слуга. Через его голову в комнату заглядывал детина. – Может, лекаря кликнуть или Ронду?

О! Опять понял!

– Не нужно! – твердо выговорил я, наслаждаясь словами.

Мужичок вытаращился на меня, а детина довольно вымолвил:

– Говорил тебе, в порядке господин уже, а ты брехуном меня обругал.

– Гони медяк, – тихо (это он так думал), склонившись к уху слуги, сказал детина.

Вот поганцы!

– А ну брысь отсюда!

У меня появилась идея. Если получается понимать и говорить с пятое на десятое, а собеседник, способный держать язык за зубами, не найден, то почему бы не воспользоваться библиотекой? Может, так получится «вспомнить» быстрее?

– Хотя нет, стой... – Я запнулся. Фраза вертелась на языке, но произнести ее не получалось. Да что за фигня! Будто разом целый пласт познаний кто-то выдернул. Хотел всего лишь поинтересоваться, пока слуга не исчез, как пройти в «сокровищницу знаний», и на тебе.

– Ваша милость? – Слуга вошел и низко поклонился.

И что теперь сказать? Точнее, как? Блин.

Из затруднительного положения помог выпутаться прибежавший доктор. Детина исчез моментально, слуга испарился только после брошенного на него надменного взгляда местного «Гиппократы». Наверное, какой-нибудь свидетель моей проникновенной речи, после стычки с роботом, нажаловался, и этот сразу примчался проверить состояние пациента.

«Что, что?» – с дуру чуть не спросил, когда ни бельмеса не понял, чего местная версия доктора от меня требует. Да еще таким тоном недовольным, будто я у него займы прошу. Дать в лоб наглецу, что ли? Я теперь повыше ростом и потяжелее «меня» прошлого.

Доктор схватил меня за руку и потянул к окну, поближе к свету, где приступил к осмотру. Ну, это мы проходили. Ничего нового, что в этом мире, что в том. Усмехнувшись собственным мыслям, приготовился подарить немного времени эскулапу.

Слуга закрыл за врачом двери, и я облегченно выдохнул. До чего бесцеремонный тип! Ладно, хрен с ним. Где там библиотека? Надо как-то найти общий язык с местным персоналом, хотя бы на уровне жестов. Только это сложно. Чего стоило доступно на пальцах объяснить, что ночным горшком пользоваться не собираюсь и выносить за мной не нужно! Зря. Уборная оказалась та еще! Не хочу даже вспоминать. Уж лучше горшок. Но теперь назад не переиграть. Я человек слова и чести! Хе-хе.

В коридоре нос к носу столкнулся с личным слугой владельца замка. Или это управляющий? Пока не разобрался. Понял одно – этого бородатого строгого мужчину с пронзительным взором, всегда выглядевшего на все сто в своем складчатом и присборенном по низу наряде и жилете из темно-зеленых и синих половинок, слуги боятся больше хозяина. Разглядев мое одеяние, управляющий (буду называть его так до тех пор, пока вопрос не прояснится) недовольно цокнул языком и прошел мимо. Слава богу!

И чего они всегда таращатся? Нормальная одежда на мне. Черные сапоги, просторные и удобные черные штаны, найденная в гардеробе синяя рубаша с широкими рукавами и черная короткая, из очень мягкой кожи, куртка. К слову, мечта, а не куртка. Мне бы такую дома! Все остальное отверг категорически. Никаких кальсон, никаких рюшечек. На фиг, на фиг радужные флаги.

Наверное, с двадцатой попытки мне удалось с помощью мычаний и пантомимы добиться желаемого. Дитина с мечом на поясе еле сдерживал смех, глядя на мои ужимки. Но слуга долго не мог врубиться, чего от него хотят. Иногда я ловил на себе его недоуменные взгляды. Вроде господин только что разговаривал нормально, и тут на тебе – бесплатный цирк устроил. А я желал одного – покажите дорогу в библиотеку!

Наконец меня, кажется, поняли и приглашающе помахали рукой.

Вот это да! Не ожидал увидеть здесь столько книг, честно скажу. Думал, приведут в комнату, пусть большую, но комнату с полками у стен. На них свитки, редкие книги и фолианты. На деле увидел огромный зал высотой метров пять и длинные ряды книжных шкафов до самого потолка. Тут читать лет на десять хватит! Радостно потирая руки и мысленно предвкушая скорое пробуждение хранящихся в доставшейся мне памяти сведений, подошел к ближайшему шкафу.

С каждой раскрытой книгой настроение ухудшалось. В принципе подвох почувствовал, когда увидел нечто вроде арабской вязи на корешках и обложках. Но надежда еще тлела в груди. Казалось – а вдруг, прямо сейчас, как «вспомню»! Или – наверное, книги написаны на другом языке, и сейчас найду нужную и... как «вспомню»! Однако «нужная» не находилась. И самое печальное, ничего в голове даже не шевельнулось! Неужели мне досталась в наследство безграмотность? Только этого не хватало! Когда слышу местную речь, то хотя бы балансирую на пределе узнавания. А тут... Будто в душу кошки накакали, честное слово. Ощущение не из приятных.

С сожалением закрыл толстенную книгу и поставил на полку.

Пойду-ка лучше погуляю перед ужином.

Капитан Лазго

Последние двенадцать лет капитан жил в замке. Барон Ласкон выделил ему апартаменты в западном крыле как новому начальнику замковой стражи. Раньше у него была собственная башня за стенами, молодая жена, сын и дочь – будущая красавица. Несколько крестьянских дворов в Лиственке платили ему продовольственный налог в установленном бароном порядке. Но это было давно. Еще до того, как барон из-за своей жадности потерял практически все. Ласкон-старший оказался полной бездарностью в военном деле. Командовать дружиной при отражении нападения почти двухтысячной армии и ловить мелкие банды мутантов с того берега – разные по сложности задачи.

Ему нужно было назначить командовать солдатами и ополчением тогда еще здравствующего рыцаря Гофрона Гайона, настоящего мужчину и опытного воина. В молодости Гайон сбегал из-под опеки строгого отца, успел постранствовать и прослужить несколько лет в отряде наемников. Участвовал в сражениях, взятии крепостей, замков и городов. Вот кому не занимать опыта! Но спесь Ласконов не знала границ тогда, не знает их и сейчас. Что стоило довериться рыцарю? Выслушать советы верного вассала?

– Ненавижу! – прорычал капитан и с силой швырнул в стену кубок с недопитым дешевым вином. Кубок отскочил от ни в чем не повинной стены и покатился по полу, оставляя на всем протяжении своего пути розовые капли.

Ах, если бы все тогда пошло по-иному! Остались бы живы Люси, Берг и малышка Хлоя. Множество дворянских родов не погибли бы, выдернутые с корнем солдатами Маргрона. О крестьянах вообще нечего говорить. Ратное, куда Ласконы селили отслуживших свое дружинников, сожгли, Листвинку тоже. Остальные поселения разорили. Из девяти сел, из которых самое маленькое насчитывало сотню домов, осталось всего два. Гвазда – в непосредственной близости от замка, и Каменное – на севере, у скал. До него отряды захватчиков просто не дошли. Да и брать там было нечего и не у кого. Жители Каменного и северных хуторов, пожалуй, единственные, кто не пострадал от загребуших рук Жорэса Маргрона. Предупрежденные крестьяне и пастухи вовремя укрылись в труднопроходимых узких ущельях, тем самым спасли не только себя, скудное имущество, но и немногочисленные отары овец.

Раньше дружина барона насчитывала сто девяносто обученных воинов! Почти все погибли вместе с офицерами и двумя сотнями ополченцев! А сейчас сколько служит? Целый капитан командует двадцатью тремя подчиненными! Половина скоро от старости меч не поднимет. Остальные сбегут из-за хронических задержек и так небольшой оплаты.

Капитан поискал затуманенным ненавистью и алкоголем взором, во что плеснуть из ополовиненной, уже третьей бутылки. Не найдя на столике металлический кубок, схватил бутылку в руку и сделал большой глоток из горлышка. Он знал, что его потом будет мучить изжога от этого недостойного дворянина дешевого пойла, но не мог остановиться и не хотел. Не сегодня.

Из пьяной задумчивости его выдернул осторожный стук в дверь. Капитан некоторое время глупо моргал, прислушиваясь. Стук не прекращался. Таким нудным мог быть только управляющий Корн. И ведь тоже имеет рыцарские шпоры! А душа чернильная. Только и может вязь выводить в бухгалтерских книгах.

– Тьфу. Червь недостойный, – прошипел Лазго. Он и управляющего ненавидел за скрытность, занудство, мелочность и злопамятность. Именно таким виделся капитану Корн.

После минутного затишья стук повторился более настырно.

– Войдите! – хрипло выкрикнул Лазго.

Массивные резные двери распахнулись. Корн важно переступил через порог.

– Пьем? – Легкая ухмылка на миг искривила губы вошедшего.

– Тебе-то какое дело? – Расшаркиваться Лазго не собирался. – Закрой дверь. Лето закончилось. Холодно уже по вечерам.

– Так разведи камин.

– Тебе надо, ты и разводи. Я занят, – буркнул капитан и снова приложился к бутылке, ничуть не смущаясь управляющего.

– Что же ты так? Заставляешь старого человека, да еще гостя, заниматься камином. – Управляющий покачал головой, показывая мнимое неудовольствие.

– Тоже мне старик. Пятидесяти еще нет. Всего-то на три года старше меня. – Лазго уселся в кресле поудобнее. – Говори, чего пришел? Или проваливай.

В руках Корна, точно по волшебству, появилась бутылка красного вина – великолепного «Курзо». Управляющий, не испрашивая позволения, сел в соседнее кресло, вытащил кинжал и одним движением сорвал сургучную печать с пробки.

– Превосходное вино. Имперское. Виноградники южной провинции Курзо. Три года выдержки. Будешь настаивать, чтобы я ушел?

– Издевается еще... Наливай давай. Кубки возьми на полке. – Настроение капитана немного поднялось. «Курзо» – это не розовая моча, что он пил до этого. Ради хорошего ароматного напитка можно немного потерпеть этого зануду.

– Ты слышал, что наследник начинает приходить в себя? – после первого глотка начал Корн.

Капитан кивнул головой:

– Не только слышал, но и видел собственными глазами. Даже, можно сказать, перебрался с ним парой слов.

– Молодому хозяину через три месяца девятнадцать. Пора совершеннолетия. Ты не оставил мысли покончить с ним? – Корн испытующе посмотрел на начальника стражи.

– Так и знал, что хорошее вино ты притащил не просто так, – с неприязнью сказал капитан и плеснул себе вина.

Все верно. Мальчишка скоро официально станет мужчиной и имеет право убить или быть убитым на дуэли. Другой вопрос, что он, как присягнувший на верность роду Ласконов, не может вызвать его на поединок. Теоретически. Однако, если господин намеренно унижил честь рыцаря или честь его рода, если обесчестил его невесту, жену или дочь или совершил другое тяжкое преступление, то от вызова владетелю не отвертеться. Есть только одно НО. Ни один нормальный владетель не совершит подобных глупостей. Управляющий пообещал помочь создать подходящие условия. И это было не по душе Лазго, только другого выхода он не находил.

Лет семь назад Корн предложил капитану избавиться от Ласконов. Он мечтал сам управлять. Считал, что под его властью домен снова дорастет до баронства. Только уже его баронства. Управляющий имел множество возможностей самому покончить с Диреком Ласконом и его внуком, однако ему требовалась поддержка начальника стражи, чтобы обеспечить лояльность воинов и крестьян. Долгое время Корн прошупывал настроение капитана и, когда понял, что в лице Лазго найдет соратника, предложил сделку.

Начальник стражи хоть и имел счет к роду владетелей, но оказался по-своему человеком чести и в категоричной форме отказался участвовать в убийстве несовершеннолетнего Грава. Управляющий тогда сильно испугался, ему казалось, что он совершил ошибку, доверившись капитану. Но Лазго предложил другой путь – дуэль. После смерти любимого внука старый барон не сможет долго прожить и, как надеялся капитан, вскоре отправится следом. И месть свершится, и честь дворянина не пострадает. После этого пообещал оказать помощь. Хотя на самом деле участвовать в усмирении подданных не хотел и говорить об этом управляющему не собирался. Пусть Корн сам разбирается с доставшимся имуществом и людьми. Каким образом тот удержит владение в руках, его не волновало, хотя подозревал, что Корн за годы управления

баронством и доменом наворовал немало золотых корон. Скорее всего, управляющий думал откупиться от посягательств баронов-соседей.

Следующим в очереди на получение возмездия Лазго мечтал видеть Маргрона. Иногда капитана посещали мысли отомстить сначала тому, чьи солдаты уничтожили его род, но существовала вероятность, что просто погибнет раньше времени и не сможет добраться до Ласконов. Этого допускать было нельзя. Приходилось лишь ждать.

– Так что ты мне ответишь? – не унимался Корн.

– Все обещания в силе, – вынужденно согласился капитан.

– Это хорошо. – Управляющий в отличие от начальника стражи заметно повеселел.

– За успех. – Корн поднял кубок и, не дождавшись ответного жеста, выпил до дна.

– Что говорит лекарь? – поинтересовался Лазго, осушив кубок. – Как быстро Грав поправится?

– Я беседовал с магом. Он обещает, что закончит работу через месяц-другой. Считаю, что лекарь просто намеренно затягивает лечение с целью вытянуть из казны как можно больше золотых.

Упоминание о золоте рассмешило начальника стражи, деньги для управляющего значили много, даже если они были не его.

Улыбаясь собственным мыслям, капитан думал, что время расплаты все равно приближается. Осталось подождать каких-то несколько месяцев. Остальное – не имеет значения.

Глава 5 Бореол

Колдуны лежали на каменном полу заклинательного дома без движения, будто умерли. Под каждым еще светились линии переплетенных друг с другом гексаграмм. Вокруг тел и на стенах сотни триграмм образовывали сплошной рисунок из длинных и коротких черточек. Бореол, сам неплохой колдун, не смог бы разобрать начертанное при всем своем желании. Рисунок еще излучал энергию, которую собирали колдуны многие месяцы.

Вождь замер на пороге, не решаясь пройти дальше. Защитные триграммы у входа надежно запирали проход от посторонних. Протянув осторожно руку вперед, он ощутил гнев стихий. Триграммы ветра, огня и горы предупреждающе мигнули. Пришлось отдернуть кисть и отступить на улицу. Еще рано. Надо ждать.

Прошло больше двух недель, как колдуны племени заперлись внутри круглого здания и пытаются удержать сущность, вселившуюся в тело молодого Ласкона. Семеро самых сильных по требованию вождя загодя начали готовить ритуал удержания. И как только сущность была обнаружена, немедленно приступили к работе.

Старый Кром Одноглазый прежде, чем подарить свою душу богам, предсказал возвышение, точнее, лишь возможность возвыситься Рысям над другими измененными. Бореол пове-рил, должен был поверить, ведь сказанное стариком перед самой кончиной не может быть ложью. Лгать перед смертью бессмысленно.

Из слов Крома выходило, что в недалеком будущем совсем близко с охотничьими уго-дьями племени в одного из врагов-людей вселится сущность из мира мертвых. Нужно найти ее и помочь остаться. Когда сущность окрепнет, то поможет Рысям. Как это будет выглядеть и когда это случится, Кром Одноглазый не ведал. Все равно это шанс, и не использовать его Бореол не имел права.

Из близких и дальних поселений были собраны все одаренные и их ученики. Каждому придали в охрану тройку воинов и отправили за реку, в земли Ласконов, Маргронов и даже дальше – во владения барона Торна. С одной целью – найти сущность. Сам вождь не стал дожидаться вестей и также отправился на поиски.

Искали всю весну и лето. Рыси тенями рыскали по враждебным землям, но безрезультатно. Многие стали поговаривать о скором прекращении поиска, о том, что старый Кром перед смертью просто свихнулся и нужно отозвать всех обратно. Только Бореол настаивал на своем, давил на несогласных авторитетом и угрозами. Наконец, удача улыбнулась. Сущность была найдена, как и предсказывал Кром Одноглазый, очень близко. Во владениях Ласконов. Она вселилась в тело больного и слабого духом внука Дирека Ласкона. В Грава.

Это открытие удивило вождя Рысей. Он хорошо помнил, как его, еще молодого и глупого, нашел Юрген Ласкон. Сын барона сжалился над нахлебавшимся воды измененным, откачал и переправил на родной берег. Племя щедро одарило «соседей» за доброту, правда, закончилось это плачевно. Но здесь вины Рысей не было. Будь люди не столь жадны, Ласконы сейчас процветали бы. В свете последнего открытия совсем по-иному выглядела, как в прошлом считали, блажь отца Бореола о вмешательстве в судьбу уцелевшего барона и его годовалого внука.

Может быть, уже тогда боги готовили почву для будущих событий? Направили по этому пути отца? У какого бога спрашивать? Да и ответа можно не дожидаться. Отец тоже уже не скажет. Он давно перешагнул Черту, доверив Бореолу заботу о племени.

Вождь оглянулся на вход в заклинательный дом, выглядевший темной дырой, развернулся и замер в готовности ждать. Столько, сколько потребуется. Результат он должен узнать первым.

Гавр – Грав

Идиот! Нет. Я тупой! Тупее даже, чем брошенная мной красотка Юля. Больше двух недель здесь нахожусь и только теперь узнал, почему местные со мной так обходительны. Во время очередного «наплыва» расслышал перешептывание служанок, когда проходил мимо них по коридору. Все оказалось просто, как устройство ведра. Я Грав Ласкон – внук барона Дирека Ласкона, хозяина замка и окрестностей. Ведь мог и раньше догадаться, но нет! И что самое примечательное: имя наследника очень похоже на мое прозвище, которое прилипло ко мне с детства, да так крепко, что отец и мать тоже Гавром часто называли. Может, здесь есть какая-то связь? Фиг его знает. Учитывая случившееся, ни в чем нельзя быть уверенным. Готов поверить в самую бредовую чепуху, если она хоть немного прояснит произошедшее. Хорошо. Со статусом более или менее разобрались. Теперь осталось понять, чем мне грозит новая «должность»? Что-то в бонусы не особо верится. Я же не в книгу попал. Никто меня не наделил суперсилой, разве что помолодел на десяток лет (хоть что-то). Магию тоже не чувствую. Кажись. А может, чувствую? А как это узнать?

Приблизившись к комоду, вытянул руку в сторону подсвечника с тремя новыми свечами, замененными с утра расторопными слугами, и сосредоточился в попытке зажечь фитиль. Попробовал представить огонь на свечке. Не получилось. Потом вообразил, как жар из груди перешел по руке на кончики пальцев, а с них невидимый кусочек пламени перескочил на центральную свечу. Ничего. Еще попыжился несколько минут безрезультатно и бросил глупое занятие. По-видимому, с магией тоже облом. А есть ли она здесь вообще? Да вроде есть. Вон как эскулап лечит. Чем не магия? Меня пробило на хи-хи. Вот умора. Веду себя, как не знаю кто. Хотя почему не знаю? Вердикт уже вынесен. Идиот!

Повалившись спиной на кровать, расхохотался, и чем больше смеялся, тем сильнее меня пробирал смех. Слезы брызнули из глаз, в животе появились колики, но остановиться никак не мог. В таком состоянии меня и застал, теперь уже мой, дед.

Всхлипывая и постанывая, поднялся, чтобы поприветствовать барона. Из-за спины хозяина замка испуганно выглядывал слуга, вечно дежуривший у двери в покои.

– Мальчик мой! Что случилось? – с неподдельной тревогой хрипло спросил старик.

Я резко прекратил хихикать и выпрямился. Нужно ловить момент, пока знание языка вновь не ушло, не спряталось.

– Ничего. Все хорошо, дедушка, – поспешил заверить барона. Только, наверное, я что-то не то ляпнул, потому как глаза присутствующих раскрылись шире в удивлении. Может, надо было сказать – ваша милость? Или как тут приветствуют баронов? Кто бы подсказал?

Однако в отличие от мужика барон быстро взял себя в руки и с теплотой в голосе сказал:

– Вижу, идешь на поправку. Мое старое больное сердце переполнено радостью. Пойдем со мной, внук.

Барон развернулся и вышел из комнаты. Слуга еле успел уйти с дороги и, не переставая виновато кланяться, ловко юркнул в сторону. Мне ничего не оставалось, как последовать за дедулей, хотя я предпочел бы поговорить в своей комнате сейчас, пока знания речи опять не исчезли. Пора уже найти того, кто поможет мне овладеть доставшейся памятью, иначе так и буду притворяться полудурком.

Подстроившись под неспешную походку барона, пошел рядом. Мы миновали поворот, ведущий к комнате и кабинету деда.

«Куда это он меня ведет?» – посетила мысль и пропала.

Приблизились к лестнице и начали спускаться на первый этаж. Дедуля с кряхтением переставлял ноги по ступеням, пришлось подсуетиться и помочь. Барон с благодарностью кивнул.

– Я виноват перед тобой, – заговорил дед, когда мы проходили мимо вытянувшегося в струнку караульного у выхода во двор.

– Не беспокойтесь, дедушка. Вы ни в чем не виноваты...

– Не перебивай, когда старшие говорят. – В голосе барона появилась строгость и твердость.

– Прошу прощения, – вынужденно пошел я на попятную, хотя особой вины за собой не чувствовал. Здесь другой мир со своими устоями и моралью, и с этим, похоже, придется считаться.

– Мой срок подходит к концу. Чувствую, уже этой зимой тебе придется отдать последние почести и зажечь мой погребальный костер. Много совершил ошибок, о многом жалею. – Барон тяжело вздохнул и поежился. Осень быстро вступала в права, и на улице даже днем было нежарко. – Тебе придется трудно, дитя. Кроме замка остались всего пара сел и четыре хутора. Год выдался неурожайный. Вдобавок град побил часть посевов...

Этого я не знал. Да и какое мне дело было до каких-то посевов? Размечтался. Наследничек, блин. Вот тебе и бонус наоборот. «Придется закатывать губу обратно». Я стал слушать старика внимательнее.

– В добрые годы мы, Ласконы, всегда выделяли серебро и золото из казны на потребности крестьян, но в этот раз все гораздо хуже. Последние короны ушли на твое излечение. Ты пошел на поправку, и мои старые глаза тешит твой здоровый вид.

Мы вышли на улицу и прошествовали в центр мощенного камнем двора. Барон резко остановился посередине, пристально взгляделся колючим взглядом, от которого по спине побежали мурашки, и на одном дыхании, громко, властным официальным тоном произнес:

– Я принял решение! Отныне ты, Грав Ласкон, берешь заботу о людях и землях рода нашего наравне со мной! Обязуешься ли ты радеть о наследии нашем, как о самом себе?!

Народ, шнырявший по двору, заслышав слова старого барона, останавливался в удивлении и подходил ближе. Не стоит сомневаться, через десять минут после устроенного дедом представления все население замка будет в курсе разыгравшейся сцены. Вон стоят, ждут моего ответа.

– Я, Грав Ласкон, обязуюсь беречь людей, заботиться о землях и наследии рода! – громко ответил я. Так, чтобы каждый любопытный услышал. А что мне оставалось делать? Сказать – нет?

Возможно, слова немного не те, что ожидали от меня услышать, но деда они удовлетворили. Он поощрительно улыбнулся, хлопнул меня по плечу и как-то сразу ссутулился, будто воздух из тела выпустили.

Народ прибывал и прибывал. Не думал, что в замке обитает столько людей. Больше трех десятков одновременно никогда раньше не встречал. А их вон сколько уже – не меньше сотни. Двор стал теснее. Все начали громко выкрикивать здравицы в честь Ласконов, вот только особой радости в голосах не было слышно. Словно прочитав мои сомнения, барон поспешил успокоить. Он думал, что успокаивает, а на самом деле...

– Не переживай, внук. Вспомни, чему учили тебя всю жизнь. Будь Ласконом, и все получится. Пока я еще жив, можешь рассчитывать на совет и помощь в делах. Наступила пора приобрести немного самостоятельности и уверенности в собственных силах. Считай, что это твой последний экзамен перед вступлением в пору совершеннолетия.

Ну, дедуля... Удружил так удружил. «Вспомни, чему тебя всю жизнь учили», – мысленно передразнил я барона.

Еще бы знать чему? Вот встрял. Как теперь управлять? Ведь ничегошеньки не знаю об окружающем мире. Плохо, когда не знал, да еще и забыл. И что будет через пять минут, когда снова не вспомню ни одной фразы? Опять словно макака перед слугами плясать? Дерьмо.

– Спасибо, – пылко сказал я, стараясь изо всех сил вложить в это слово чувство благодарности.

– Когда меня не станет, единственными помощниками твоими будут капитан Лазго, во всех смыслах достойнейший рыцарь, и управляющий Корн Пэйри. Они верно служат роду многие годы. Будь хорошим сюзереном, мальчик мой. Но ты об этом и так знаешь. – Барон улыбнулся мне и обратился ко всем присутствующим: – Сегодня и завтра объявляю праздничными днями! Выпейте за здоровье вашего будущего барона! Корн! – позвал дед управляющего, стараясь перекричать радостные возгласы. Известие о халяве народ воспринял с большим воодушевлением, чем мое «назначение».

Толпа расступилась, пропуская управляющего. Про себя удовлетворенно отметил, что все-таки угадал должность этого строгого мужика.

– Открой винный погреб и кладовые. Пусть народ веселится и гуляет, и не забудь по паре бочонков отправить в села.

– Будет исполнено, ваша милость. – Управляющий поклонился и отошел раздавать распоряжения.

– Веселись сегодня с людьми, – с теплотой сказал мне дед и направился обратно в замок. Я было дернулся помочь старику, поддержать его на лестнице, но меня опередил один из слуг, вовремя предложивший хозяину плечо. Вот и хорошо. Теперь-то что делать? Никто не стремился подойти поближе, выказать свое восхищение, пожать руку. Ничего подобного. Эх. Быстро тут в права вступают. Даже нотариус не нужен? Вот так вот раз – и уже владелец всего вокруг, пускай и под присмотром.

На глаза попался усатый стражник; несмотря на возраст, выглядел он по-боевому. Крепкий мужик, одним словом. И судя по гребню на шлеме и хорошим доспехам, один из командиров. Меня посетила одна мыслишка. Так как терять мне теперь есть что, а выхода из сложившейся ситуации не видно, то почему бы не воспользоваться возникшей только что идеей. Я же теперь по факту полновластный хозяин.

– Здравствуйте, офицер, – поприветствовал его, подойдя ближе. В глазах стражника мелькнуло недоумение и пропало.

– Искренне поздравляю вас с оказанным доверием. Ваш дед всегда был справедлив и мудр. – Офицер легонько стукнул себя кулаком по груди. – Но вы запомнили. Не офицер я. Десятник Фиш к вашим услугам. Раньше вы всегда называли меня мастер. Припоминаете? В детстве учил вас держать в руках меч и щит. – Фиш с надеждой посмотрел в мои глаза.

– Конечно, помню! – Чтобы сгладить неловкость, пришлось соврать. – Такое даже если забудешь, то все одно вспомнишь.

– Чем могу услужить?

«Вот с этого и надо было начинать», – подумалось мне.

– Недавно в тюрьму попал один паренек...

– Зурим, – подсказал десятник.

– Именно, – с важным видом утвердительно кивнул десятнику. Мол, ну, естественно, Зурим, кто ж еще-то! – Хочу переговорить с ним. Проводите?

– Как прикажете. – По лицу этого воина стало заметно, что он немного обрадовался проявленному интересу к заключенному. Странно, чему тут радоваться? Вскоре понял чему. Решил выгородить знакомого. Пока мы шли, Фиш пытался всячески нахваливать Зурима. Какой тот душевный и добрый парень и вообще самый-самый. А главное, единственный механик во всем домене. Я слушал, не перебивал, впитывая информацию. Но длилась односторонняя «беседа» недолго. Мы пришли.

– Почему его никто не охраняет?

– Так чего его сторожить? – Десятник пожал плечами. – Двери крепкие, засов не выбить.

– Понятно. Ну, открывай давай.

Лязгнул засов, дверные петли скрипнули. Внутри сначала вошел Фиш и гаркнул:

– Заключенный Зурим! Встать! Тебе новый владетель честь оказал своим присутствием!

Солома на полу зашевелилась, и из нее вылез заспанный механик, даже при свете одного факела было заметно, что парень осунулся и походил на тень. Нелегко, наверное, ждать приговора. Мне стало действительно жаль неудачника, только показывать жалость в мои планы не входило.

– Десятник Фиш, зажгите еще один факел. Темно тут не в меру.

– Один момент. – Десятник вставил первый факел в держатель, а сам исчез в коридоре. Через минуту появился вновь. Стало чуть светлее, и я смог рассмотреть обитаемое пространство. М-да. Не густо. Толстый слой соломы покрывал пол. В дальнем углу стоит деревянная бадья, из которой так и прет запах нечистот. У правой стены соломы навалено побольше. Нетрудно догадаться – это постель. Могло быть и хуже. По крайней мере, парень не прикован к стене. Я ожидал увидеть именно такую картину.

– Прошу вас, оставьте нас и закройте дверь с той стороны. – От моей фразы дернулись оба, заставив меня мысленно чертыхнуться. Опять сгруппировался. Вежливое обращение к низкостоящим по социальной лестнице здесь, похоже, не принято.

Десятник молча вышел, закрыв за собой дверь. Я, немного помедлив, приблизился к арестованному.

– У меня к тебе деловое предложение. Отказ неприемлем. В случае если о сказанном кто-либо узнает... убью, – обрадовал я парня. – Согласен?

Зурим часто-часто закивал и сглотнул тягучую слюну. Еще бы он не согласился. Надеюсь, прозвучало все очень убедительно и грозно.

– Значит, слушай внимательно. Отныне ты мой учитель.

Именно на механика я решил возложить обязанности по моему обучению. Кто-кто, а этот парень просто обязан уметь читать и писать. Не могу себе представить, что человек, способный чинить роботов, абсолютно безграмотный.

Не вдаваясь в подробности, кто я и откуда на самом деле, поведал о своей проблеме. Можно было просто освободить его и попросить о помощи. Уверен, он с радостью оказал бы услугу «больному» господину, но какая-то заноза в подсознании не позволяла мне поступить иначе. Решил довериться чувству, в любом случае хуже уже не будет.

Глава 6 Зурим

Зурим в первые мгновения не мог поверить словам молодого господина. Как сильно он изменился! И это говорит тот, с кем в десять лет вместе бегали без спроса на речку, лазали по деревьям, в двенадцать организовывали шуточные военные походы за соком Молочных Деревьев? Сейчас же перед механиком предстал совершенно другой человек, и это заметно по глазам. В них не было ни капли жалости к другу детства. В один миг Зурим ощутил, как ком ужаса и обиды подкатил к горлу. Как же так?

Однако следующие слова позволили Зуриму немного успокоиться и отодвинуть подступивший страх за собственную судьбу. Оказалось, Грав практически ничего не помнит из своей прошлой жизни, и более того – периодически забывает родную речь. Зурим сделал собственные выводы из услышанного: наследнику требуется не только учитель, но и друг, который может рассказать о прошлом и сделать это таким образом, дабы никто не заподозрил его в невменяемости, тем самым усомнившись в праве наследовать домен. Случись такое... стервятники набегут моментально. Захолустье захолюстьем, но охочие до замка найдутся. У того же Маргрона трое сыновей имеются. Среднего или младшего поставит руководить тут всем. Это станет настоящей трагедией. Как живется под дланью Маргронов, на себе лучше не испытывать. Дерут с крестьян три шкуры. Вроде соседнее баронство и больше, и богаче, чем была когда-то вотчина Ласконов, только люди разве что с голоду не пухнут, пытаясь обеспечить достаток хозяев. И это несмотря на то, что крестьяне Маргронов обрабатывают земли куда плодороднее, чем каменистая почва вокруг замка Ласконов. Нет, подчиняться другим властителям Зурим не хотел. И потом, если Грав не помнит о бывшей дружбе – это совсем не значит, что нужно бросать в беде господина и товарища по детским забавам. Он после отблагодарит и, возможно, вернет мастерскую.

– Все сделаю, как приказывает господин. – Зурим приосанился. Впереди забрезжил луч надежды. Вдруг удастся выйти из этой сырой камеры уже сегодня? Главное, правильно себя повести.

Однако через несколько минут молодой механик понял, что выйти ему ныне не удастся, и виной тому недуг Грала Ласкона. Наследник пытался что-то произнести, но лишь глупо раскрывал и закрывал рот, словно рыба, выброшенная на берег. И чем больше у него не получалось, тем сильнее он злился. Зурим с сочувствием посмотрел на наследника, вызвав у того раздражение.

Теперь он воочию убедился в тяжести болезни и не на шутку испугался. Ведь и на нем, возможно, лежит вина за здоровье господина. А если его состояние ухудшится и старый барон возложит вину за это на механика-недотепа? Меньшее, что его тогда ждет: отберут наградные деньги, в худшем же случае – казнят за совокупность проступков. От осознания пришедших в голову мыслей механик поежился. Теперь точно: единственное его спасение – как можно быстрее постараться привести в норму разум наследника.

«Но как это сделать? Я же не лекарь», – с тревогой думал парень. Он и не подозревал раньше, что подобные болезни могут вообще существовать. Из паутины тяжелых дум механика вывел сильный толчок в плечо.

Грав Ласкон отчаянно зажестиковал и замычал, показывая на разные предметы: на одежду, солому, части тела, стены, на пол и потолок. Некоторое время Зурим не мог понять, чего от него хотят, наверное, в заторможенности сыграли роль последние произошедшие с ним события, однако после очередного тычка механик вышел из ступора и сообразил, чего именно от него требуется.

– Это факел. – Зурим ткнул пальцем в тлеющую деревяшку с намотанной и пропитанной маслом тряпкой, оставленной десятником.

- Это факел, – послушно повторил нежданный ученик.
 - Нет, не так. Просто факел. Фа-кел, – поправил провинившийся механик.
 - Факел.
 - Правильно, – удовлетворенно кивнул Зурим.
- Первый урок начался.

Грав

Каждый день я проводил в камере Зурима по пять-шесть часов кряду. Поначалу была мысль выпустить его, но потом раздумал. Фиг знает, как к этому отнесется мой новый старый дед. Он мне хоть и «близкий родственник», однако перешагивать через его голову не хотелось. Я пока толком не освоился и, как дедуля прореагирует, несмотря на передачу власти мне, не знал. Башку любимому и единственному внуку, конечно, не отрубят, только думаю, и выговором в письменном виде не отделаюсь. Уж больно строг дедуля, насколько успел понять, и к чужим, и к своим людям. Так что рисковать не стал.

Правда, существовала вероятность, что механика вскоре как-нибудь накажут, не вечно же ему проедать на халяву тюремные харчи, и тогда можно лишиться единственного учителя. Что меня не устраивало в корне. Но чего гадать, когда придут за ним, вот тогда и стану возникать и требовать помиловать провинившегося, мотивируя тем, что в компании механика значительно лучше себя чувствую и вообще «я тут царь». Если смогу внятно объясниться с дедом к тому времени, конечно. Не боясь, что в любой момент следующие фразы вылетят из головы. Надежда, что это прискорбное событие все же не случится, крепла с каждым уроком. Ну-у... Приврал. Не с каждым, но довольно быстро запоминал слова и понятия. Тем более все и так хранилось в доставшейся по наследству памяти, что значительно упрощало процесс обучения.

Буквально спустя неделю уже не требовалось ждать, когда мое больное подсознание соизволит оказать милость и одарит, на краткое время, местной речью. Довольно сносно мог попросить слуг выполнить мелкие поручения: принести в комнату воды или перекусить. И чем чаще произносил выученные фразы, тем больше всплывало «позабытых» слов, которыми можно дополнять сказанное. Каждая подобная победа вызывала в душе чувство восторга.

В какой-то момент обратил внимание, что периоды, когда получается полноценно общаться с окружающими, стали длиться дольше. Пришла пора усложнить обучение. Простого сидения в камере с механиком и повторения простых фраз было уже недостаточно. Сознание цивилизованного человека, привыкшего впитывать ежедневные потоки информации из множества источников, требовало еще и еще. Нужно поскорее выбираться на улицу, чтобы Зурим рассказывал обо всем, о замке, животных, деревьях, книгах. Кстати, о книгах. Все-таки придется идти к деду на поклон, с прошением простить и освободить парня. Пора не только выбираться из подвала, в котором скоро сам буду ощущать себя арестованным, но и засесть плотно в библиотеке. Я так понял, что, кроме Корниса, этого чокнутого доктора, Зурим чуть ли не академик по сравнению с остальными жильцами замка. Про крестьян вообще промолчу. Так что с учителем мне явно повезло.

Поймав момент, когда не нужно пыжиться и вести разговор, будто иностранец, с трудом владеющий языком страны пребывания, припадочно понесся по коридору, распугивая слуг по пути. Добежав до покоев барона, остановился перевести дух. Немного успокоился, привел мысли в порядок и громко постучался костяшками пальцев.

Двери долго не открывались, и я уже начал беспокоиться – не случилось ли чего? Барон-то пожилой человек. Оказалось, напрасно переживал. Правая створка приоткрылась, и на меня, подслеповато щурясь, уставилась Ронда.

Приняв важный вид, каким, по моему мнению, должен выглядеть молодой, слегка спесивый наследник, поинтересовался:

– Узнай. Господин барон примет меня по важному делу?

Ронда сделала пару шажочков ближе и неожиданно схватила за ухо и с силой наклонила. Я даже вскрикнуть от боли не успел, как услышал негодующий голос старой женщины.

– Ты смотри какой! Никак, оклемался?

– Кто там, Ронда? – послышался голос деда.

– Внук, ваша милость. Прикажете пустить или гнать в шею?

– Впусти, – донеслось до слуха разрешение хозяина замка.

Ронда посторонилась, пропуская меня внутрь. Я бочком протиснулся, опасаясь, что бывшая сиделка опять что-нибудь учудит. И вообще, что это было минуту назад? Что опять не то сделал?

Миновав небольшую комнату, в которой постоянно присутствовал кто-нибудь из слуг, очутился в апартаментах Дирека Ласкона.

– Проходи, садись, – проскрипел старческий голос из-за высокой спинки кресла. Последовав приглашению и опустившись в такое же кресло напротив, посмотрел на барона. В последнее время, занятый тайной учебой, совсем не видел хозяина замка. Дед явно сдал за эти дни. Глаза ввалились вглубь, кожа лица пожелтела и стала похожа на пергамент. Белые пигментные пятна на кистях рук, ранее почти незаметные, увеличились в размерах.

Жар из камина дотянулся до тела, обволакивая теплом. Лишь когда сидишь вблизи открытого огня, приходит понимание, насколько в замке сыро и холодно. Если в еще достаточно теплое время года здесь прохладно, то каково будет зимой? Пришедшая мысль невольно заставила поежиться. Придется привыкать к борьбе за тепло и заодно с неизбежным насморком.

Я сидел, рассматривал старика и ждал, когда тот заговорит. В этом мире, по заверению Зурима, не позволялось начинать разговор со старшими по возрасту или статусу первым, так сказать, не лезть впереди батьки в пекло. Правда, упустил из виду, касается ли это правило родственников? Проверять сейчас не хотелось. Вдруг барон гневаться изволит и не даст позволения на освобождение механика. Допускать подобный промах никак нельзя. Хотелось поскорее разругать ситуацию и двигаться в выбранном направлении дальше. Но дед продолжал молчать, заставляя меня волноваться, ведь возможность свободно поговорить могла и исчезнуть, как не раз бывало.

– Ты стал странным, Грав. Будто подменил тебя кто.

На миг пришла растерянность. К этому разговору я готовился на всякий случай, но все же не ожидал подобного вопроса так скоро. Людей, знающих настоящего наследника с пеленок, провести не так просто. Рано или поздно несоответствия в поведении будут бросаться в глаза все большему их количеству. Надеюсь, что мои странности спишут на потерю памяти, а там обживусь, войду в роль и стану для большинства настоящим Гравом Ласконом. Да не тут-то было. Нужно отвечать быстро, иначе, чего доброго, барон встревожится и подумает о внуке бог весть что.

– Станешь тут странным, – буркнул я, – память только начала возвращаться, и то благодаря Зуриму, – не удержался и вставил лепту о механике. Собственно, из-за него тут и сижу, ежусь под проницательным взглядом барона.

Старик коротко хохотнул.

– Понятно. Решил за друга своего слово замолвить. Похвально, похвально.

Я сразу наострил уши. Друга? Зурим ни о чем подобном не говорил. Хотя в этом как раз ничего удивительного нет. Мало того что «не помню» его, так еще и запугал парня карами разными. Вот механик и решил помалкивать до поры до времени, что с его стороны достаточно разумно. Мало ли что «чокнутому благородному» взбредет в голову. На его месте поступил бы точно так же.

– Хочу просить дозволения помиловать и выпустить механика. Под мою ответственность, – скороговоркой добавил, заметив, что барон собирается возразить. – Во время разговоров с ним память возвращается быстрее. Мы ведь практически одного возраста, и Зурим знает о вещах, которые неизвестны многим.

Просительно глядя в глаза деда, замолчал, в надежде, что он не сможет отказать своему наследнику.

Бросив на меня хмурый взгляд, старик заговорил, подпустив в голос немного ворчливости. Возникло удивительное ощущение, будто рядом сидит родной дед Василий. Тот так же начинал бурчать в ответ на мои проделки и шалости в детстве.

– Мне доложили о твоих частых встречах с этим оболтусом. И вижу – тебе действительно становится легче. Радость от возвращения твоего душевного состояния в норму греет мою душу. Однако пойти тебе навстречу не так просто. – Барон тяжело вздохнул и сжал похудевшие кисти в кулаки.

– Был бы в замке хотя бы еще один механик, то ни за что не подпустил бы Зурима к мастерской ближе ста шагов, но за неимением выбора приходилось мириться с его выходками. Но терпение мое не бесконечно. Из-за его безалаберности чуть не погибли люди. Прощать такое нельзя. Я, внук мой, должен принять непростое решение. – Барон замолчал, уйдя в себя. Пришлось ждать, что он надумает. И нервничать.

Атмосфера встречи немного сгустилась. Или мне так кажется? Готов поспорить на миллион не существующих здесь рублей, что дед мыслит, как сделать так, чтобы и просьбу мою выполнить, и вместе с тем, чтобы все немногочисленные подданные остались в уверенности, что механик наказан. Не зря же барона называют Справедливым. А устоявшееся реноме нужно поддерживать. Умом-то понимал, почему старик долго размышляет над, казалось бы, простой проблемой, но принять средневековые устои и мораль было сложно. Ведь на самом деле ничего запредельного не прошу. Возьми да и выпусти. Барон ты или погулять вышел?

– Сделаем так. Назначу слушание на завтра. Зурим будет осужден и отправлен в ссылку в Каменное. Ты поедешь с ним.

Такой поворот дела меня просто ошарашил. Пришел попросить об освобождении новоявленного учителя, а вместо этого отправляют подальше из замка. Не повредился ли барон в уме на старости лет?

– В дороге и затем в селе у тебя будет достаточно времени общаться с механиком на любые темы. С собой возьмешь десяток Фиша. Свежий воздух и физические нагрузки пойдут тебе лишь на пользу. Маг Корнис поедет тоже.

– Только этого зануду не надо, – невольно вырвался возглас.

– Не спорь! – Барон хлопнул ладонью по подлокотнику кресла и вперился в меня грозным взором, от которого внутри пробежал предательский холодок страха.

«Во дед дает. Давно меня так не стращали», – подумал я, немного успокоившись после неожиданного гневного напора. В принципе, чего так всполошился? Ну поеду, проветрюсь, на природу посмотрю. Да и подальше буду от множества любопытных глаз.

– Проверишь, как работают крестьяне, соберешь налоги и заодно убьешь с десятком Фиша саблезуба. Люди жалуются. Говорят, зверь уже пять овец загрыз и отбившегося от стада теленка. Зима на носу, каждая потеря скотины перед холодами невосполнима, – более спокойно продолжил барон.

Напрягла фраза «убьешь с десятком Фиша саблезуба». Причем очень. Однако ничего не оставалось, лишь важно кивнуть, соглашаясь. Впервые посетила думка – быть будущим бароном, возможно, не так интересно, как казалось ранее.

– Сделаю все в лучшем виде, дед, – как можно увереннее произнес, при этом старался выглядеть расслабленным. Барон расцвел в улыбке, даже часть старческих морщин, будто по волшебству, исчезла с лица.

– Вот теперь узнаю настоящего Ласкона. С возвращением, Грав.

Глава 7 Грав

В последний раз на лошади я ездил лет в пять. На площади перед цирком дядька, наряженный клоуном, водил за поводья пони, и родители за небольшую плату сажали детишек в потертое коричневое седло. Бедное, уставшее от такой бесперспективной жизни животное безропотно подчинялось судьбе в лице своего хозяина. Медленно переставляя ноги, цокая по бетонным плитам копытами, маленькая лошадка пыталась подарить малышам радость. Помню, что удовольствие тогда не получил, слишком жалко было животинку. К слову сказать, то был мой единственный опыт верховой езды.

Как-то упустил из вида, что здесь все-таки придется вспомнить детство. Только ездить нужно не на пони, а на огромном жеребце по прозвищу Черныш. Конь оказался моей собственностью, что, в общем, неудивительно. Тут все если не мое, то однажды таковым станет. Черныш признал во мне хозяина и обрадовался, только вот я как-то не очень. Конь фыркал и пытался дотянуться губами до лица. Мысль, что придется целый день провести на спине этого монстра, настроение не поднимала. Но с этим как-нибудь справлюсь. Напрягало другое. Доспехи и оружие. Поверх кольчуги из плоских колец мне помогли надеть доспех, сработанный из горизонтальных пластин внахлест. Надо полагать, для лучшей защиты. Плечи тоже оказались в панцире из пластин меньшего размера. Налокотники и наручи непривычно стесняли движения. Кожаная юбка, почти до колен, со вставленными внутрь металлическими дощечками, мне не понравилась. Я пытался отказаться от нее, однако десятник Фиш и Зурим, которые помогали мне облачаться, переглянулись недоуменно и, проигнорировав пожелание господина, заставили напялить этот кошмар современного человека. Еще бы знать, как это все называется!

Ноги тоже не избежали дополнительного веса в виде поножей и наколенников. Завершал наряд шлем с забралом, который неуловимо напоминал немецкую каску, только с назатыльником. Неожиданно пришла уверенность – это салат^[6]. Я попытался припомнить названия других частей своего стального облачения, но так и не смог. В принципе я не против защиты себя любимого. Особенно зная, что придется гоняться за каким-то саблезубом, то никакая железка не кажется надежным убежищем для тела.

Последними штрихами послужили: слегка изогнутый метровый меч с небольшой гардой и полуторной рукоятью, массивный нож с широким длинным лезвием, круглый, обитый железом щит, способный прикрыть тело от плеча и до середины бедра, и двухзарядный арбалет с кучей болтов к нему. И это все придется таскать на себе? Ужас!

Выехали, когда солнце только появилось из-за края горизонта. Свежий утренний ветерок наполнил легкие прохладой. На небе не было видно ни одной низкой тучки, лишь в вышине, словно перья гигантской птицы, неслись редкие облака. Судя по всему, осадков не ожидается. Лучше пускай так и остается. Нам предстояло до самого вечера пикировать по дороге, никогда не знавшей асфальта. И я предпочту дорожную пыль, чем дождь, проникающий за шиворот. В последнее время он, мелкий и противный, начал изрядно доставать.

Дружинники открыли ворота, и небольшая колонна из тринадцати человек, четырех лошадей и телеги вышла за пределы замковых стен. В отряде всадников всего трое – я, лекарь Корнис и десятник. Остальные – пехотинцы в кирасах и шлемах, похожих на мой, разве что забрало узкое, оставлявшее открытым подбородок, и Зурим – водитель кобылы на телеге. Кстати, механик оказался единственным невооруженным членом в нашем отряде. Длинный кинжал на поясе можно не считать. Тут разве что дети оружие не носят. Пограничье, чтоб его!

Как только мы отошли подальше от замка, Фиш махнул рукой подчиненным, и солдаты с удовольствием положили щиты и копья в повозку, где уже лежали сумки с припасами. Я было рывнулся грозно высказать несогласие с решением десятника, мало ли... Вдруг здесь сабле-

зубы стаями рыскают в поисках, чем бы поживиться, но вовремя себя одернул. Фиш прослужил не один десяток лет и лучше знает, когда можно дать подчиненным отдохнуть, а когда делать этого не стоит. Так что вступать с глупостями нет необходимости. Он же не лезет ко мне с советами, как лучше составлять финансовые отчеты и аналитические записки. Подозреваю, что и слов таких не ведает. Да и вообще – не в курсе, что мне знакомы чужие для этого мира понятия.

Поначалу боялся, что буду подпрыгивать в седле, не попадая в такт поступи Черныша, и со временем моя задница превратится в сплошной синяк, как это описывают в книгах, но опасение оказалось беспочвенным. Уже через полчаса приноворился сносно покачиваться на спине гордого животного и даже получать некоторое наслаждение. При этом пятая точка никаких неудобств не испытывала. Наверное, бывший барон подарил мне способность держаться в седле и уже готовый «задний мозоль». Оставалось надеяться, что тело само приноворится при переходе коня на рысь или галоп. Проводить испытания сейчас не хотелось. Пока достаточно и этого, а там, глядишь, нужные навыки со временем сами дадут о себе знать.

Мир вокруг не поражал разнообразием. Обыкновенный деревенский пейзаж без налета цивилизации. Ни высоковольтных столбов, ни нормальных дорог. Гвазду – ближайшее к замку село – объехали по краю, не заезжая. Крестьяне, в однообразном серо-коричневом прикиде, торопились собрать последние крохи с полей. При виде нас все кланялись, приветственно махали руками, и непонятно было, радуются они искренне или тут так принято? Когда отряд проходил мимо согнувшихся в поясе двух местных мадам (видать, мамаша с дочкой, уж больно конопатые физиономии похожи), я, неожиданно для самого себя, скривил рожу и показал язык девушке-крестьянке, которая тайком пыталась рассмотреть господ. Молодуха побледнела и отшатнулась, как от проклятого.

Десятник, видевший все от начала и до конца, укоризненно зыркнул, но ничего не сказал. Мне вдруг стало стыдно за ребячество, и дальше я ехал, направив целеустремленный взор вперед, изредка кивая в ответ встречным работникам сельского хозяйства.

Село и поля вокруг него миновали живо. Вышли на дорогу, ведущую на север, и потопали по ней. Я продолжил рассматривать окружающую природу, но вскоре это занятие приелось. Ничего интересного. Сонное царство какое-то. Человеку, привыкшему любоваться на мелькающие деревья со скоростью минимум шестьдесят километров в час, медленно проплывающие сосны, дубки и акации надоели сразу. Никогда не был любителем прогулок на природе. Тем более таких медленных. Предпочитаю быстро приехать и уж потом медленно жарить шашлычки, попивать пиво и смотреть с друзьями на закат, а потом так же быстро уехать. А тут... и поговорить не с кем. Единственный возможный собеседник сидит в повозке и носом клюет.

Путь выдался для меня безмолвным и донельзя скучным. Лишь лекарь несколько раз поинтересовался моим самочувствием, да дружинники за спиной изредка тихонько перебрасывались словами.

В полдень остановились на обед. Зурим помог мне и лекарю слезть. Ослабил ремни на седле, чтобы животные немного отдохнули. Солдаты нарубили дров, разожгли костер и в большом котле сварили кашу для всех. Каждый достал паек, состоящий из двух лепешек, небольшой головки сыра размером с половину кулака и двух колбасок. Пакет на один дневной переход. Предполагается, что вечером ужинать будем в Каменном, а на обратную дорогу нас снабдят необходимым селяне. К слову сказать, провиант в моей чересседельной сумке ничем не отличался от запасов дружинников. Очень демократично. Думаю, на Земле бароны питались лучше и разнообразнее, чем служивые. Я разрезал ножом лепешку пополам, покромсал сыр тонкими ломтиками, нарезал колбасу и соорудил себе двойной бутерброд. И только тут обратил внимание, что все внимательно и с удивлением смотрят на совершаемые мной действия. Блин. Опять прокололся? Наверное, наследник раньше не был замечен в сооружении из продуктов разных конструкций и ел как все. В одной руке лепешка, в другой колбаса или сыр. Что теперь? Если

выяснится, что Грав любил в носу ковыряться, мне тоже так прикажете делать? Да пошли они в баню!

Больше ни на кого не обращая внимания, я приступил к трапезе. Народ вокруг засуетился, будто ничего не произошло. Теперь солдатам есть о чем языки почесать. Эх... Скукота. У них хоть какое-то развлечение. С другой стороны, пускай так и остается. Лучше найти саблезуба сдохшим, чем гоняться за ним – живым и опасным. Надо еще раз поговорить с Зуримом о повадках этого хищника. Может, он чего упустил в рассказе?

Каменное показалось к вечеру. Меж нагромождениями низких скал, точно в кольце природных стен, стояли несколько десятков домиков с покрытыми соломой, иногда некачественной черепицей (даже мне это было понятно), крышами. До слуха доносились паническое блеяние овец, мычание нескольких коров и надрывный лай собак. Но самое поганое – не видно и не слышно никого из людей. А ведь кто-нибудь должен выйти наорать на взбесившихся животных! Нехорошее предчувствие сдавило горло.

– Оружие на изготовку, – приказал десятник.

Сзади послышался встревоженный гомон дружинников и позвякивание амуниции. Солдаты готовились к неприятностям, доставали из телеги щиты и копья, проверяли, хорошо ли выходят мечи из ножен, натягивали тетивы арбалетов.

– Ваша милость. Вы поначалу-то поперед нас-то не лезьте, – попросил враз посмурневший Фиш.

«Господь с тобой, десятник. Конечно, не полезу. Оно мне надо?» – мысленно произнес я. Но вслух ничего не ответил, лишь поджал губы и кивнул, стараясь подавить подступивший страх.

– Господин маг, – обратился Фиш к лекарю, – вы что-нибудь боевое сотворить можете?

Корнис скорчил недовольную рожу и надменно ответил:

– У меня есть пара боевых амулетов. Один с туманом Кримолиса, второй с пламенем Трора.

Меня так и подмывало спросить: «А по-русски нельзя?»

– Защитного ничего нет? – не отставал десятник от мага.

– Нет! Я лекарь, а не боевой маг! – неожиданно вспылil Корнис.

Десятник разочарованно вздохнул и отвернулся.

Тут уже я не выдержал. Общая нервная обстановка передалась. Да и Черныш подомной вел себя беспокойно. Переминался с ноги на ногу и всхрапывал.

– Десятник Фиш, потрудитесь объяснить, что происходит? Почему вы считаете, что нам угрожает опасность? – вот, даже почти без акцента спросил.

С каждым днем у меня лучше и лучше выходило говорить на южном диалекте основного языка Арлонской Империи. В баронствах, бывших провинциях, говорили на нем. Разница есть, но не принципиальная. Недостаточная, чтобы кому-то пришло в голову назвать диалект отличным от арлонского языком.

– Чувствуете? Нет запаха дыма. Скотину еще рано загонять, а она вся в хлеву. Да и овец пригоняют самыми последними. В Каменном в каждой семье по несколько голов имеются. В это время общая отара обычно пасется около села.

– Так, может, пастухи еще не пригнали часть овец с пастбища, – предположил я.

– Когда в округе бродит саблезуб? Нет, ваша милость. Ни один пастух в здравом уме не будет задерживаться под вечер далеко от дома. Саблезуб опасный хищник, но предпочитает охотиться в сумерках и ночью. Скорее поставлю на то, что здесь замешаны мутанты или дружинники Маргрона разбойничают. О худшем и думать не хочется.

– Что может быть хуже?

– Твари с той стороны, – нехотя сказал Фиш. – Правда, почитай, лет тридцать их не было видно. Мутанты их знатно проредили. Им они чаще доставляют хлопоты. И слава богам. Иначе бы нас давно прихлопнули или те или другие.

Я привычно постарался удержать в себе удивление. Твари еще какие-то объявились. Надо будет механика хорошенько на эту тему потеревить, да и про боевые амулеты спросить. Что это такое и с чем едят?

Десятник немного подождал и, когда понял, что больше от меня ненужных вопросов не предвидится, начал отдавать распоряжения дружинникам.

Солдаты разбились на пары. Первый номер со щитом и копьем, второй с арбалетом пристроился напарнику сзади и чуть левее, наверное, чтобы не мешать впереди стоящему тыкать копьем во все, что не понравится. Восемь дружинников образовали некое подобие цепи и настороженно пошли в сторону Каменного. Девятого Фиш оставил охранять Зурима и телегу с припасами.

Десятник пристально глянул мне в глаза, и я кивнул головой, разрешая ветерану и дальше проявлять инициативу. Была бы моя воля, то позволил ему и его десятку сделать все самим, только боюсь, никто мой жест доброй воли не оценит. Повинуясь жесту десятника, мы медленно направили коней вслед за дружинниками. Я крепче сжал в руке арбалет. Мне будет проще с ним управиться, чем с мечом. Фиш коротко обрисовал нашу задачу. Как единственным всадникам, нам предстояла роль резерва и при первом же крике о помощи надо оказать поддержку.

Что ж, достаточно разумно. На лошадях особо между зданий не погарцуешь, да и в дома верхом не въедешь, а так... можно успеть прийти какой-либо паре солдат на помощь или встретить противника посреди улицы и удерживать, пока пехота не обойдет обидчиков с тыла и не насадит на копье или арбалетный болт. Ох... Лучше, чтобы ничего не случилось. Пусть крестьяне окажутся просто пьяными и дрыхнут после праздника какого-нибудь. Ну что у них, мало праздников в году, что ли?

Бореол

Давно не было нашествий Темных Тварей. Так давно, что воины и колдуны многих племен непозволительно расслабились. За что и поплатились. И ладно потеряли собственные жизни, но погибли многие, кого они обязаны были защитить: женщины, дети, старики. Больше всего не повезло племени Лесного кота. Поселения племени меньше чем за сутки превратились в кладбища. Твари мало кому оставили шансов спастись. Уцелевшие счастливчики с дрожью рассказывают страшные истории.

Покончив с Лесными котами, темные создания вторглись на территорию Медведей. Несмотря на то что воины Медведей были предупреждены и успели подготовиться, устоять перед натиском стай из Проклятого Леса не смогли. Твари словно острый меч разрезали земли племени пополам и начали уничтожать всех измененных.

Напади на племя Медведя кто-то другой, Бореол неизменно порадовался бы ослаблению старых недругов. Только не в этот раз. Если беспокойным Медведям не удалось удержаться, то Рысям вскоре придется туго. Разведчики уже доложили, что некоторые прорвавшиеся стаи вот-вот будут здесь. В условиях, когда вожди соседей спят и видят под своей властью пограничные с людьми земли, неизбежные потери Рысей приведут к печальным последствиям. Твари уйдут, как это раньше бывало, оставив после себя смерть и разрушения, а вот привычные противники останутся.

Бореол не сомневался. Его воины и колдуны уничтожат прореженные Котами и Медведями стаи. Только это все равно будет поражением. Враги сразу воспользуются ситуацией. Все набросятся на неспособных защищаться. Сожрут и не подавятся.

Вождь Рысей медленно посмотрел направо, потом налево. Взглядом обвел плотный строй из сотен воинов в доспехах из секвы – каменного дерева. Нашитые на кожаные куртки вертикальные дощечки лишь немного уступали по прочности железу, но были легче и доступнее измененным. Каждый воин имел щит из панциря черепахи или из того же каменного дерева, копье, мощный лук и амулеты против магии тварей. Многие воины затерялись в листве, чтобы жалить ядовитыми стрелами сверху.

Никто достоверно не знает, что создало этих злобных существ или кто. Случилось ли это в те времена, когда из людей маги сделали первых измененных? Были ли предками тварей люди или они просто поумневшие и изменившиеся животные? Бореол никогда не сталкивался с порождениями Проклятого Леса, но рассказов стариков вполне хватало, чтобы понять, в нем регулярно появляются новые виды. И битва будет трудной.

Среди леса коротких копий виднелись посохи колдунов, служившие им не только для накопления энергии, но и в случае нужды оружием. У вождя имелся такой же. Сейчас вырезанные на нем триграммы светились мягким зеленоватым свечением. В любой момент воля измененного готова была вырвать из посоха накопленную силу и направить ее во врага.

Вдалеке, среди деревьев, послышался надрывный рев рожка.

У-уууу! Ууу-уууу! У-уууу!

Разведчики засекли приближение стай и подавали сигнал. Уже скоро. Скоро придет конец томительному ожиданию. Воины, подавшие сигнал, не смогут уйти от преследования, но они знали, на что шли, и до конца выполнили долг перед племенем. Не только предупредили, но и заманили тварей именно сюда. К собранным со всех поселений воинам, подальше от убежищ с женщинами и детьми. Здесь все решится.

Впереди раздался вопль, наполненный болью. Следом еще один. В промежутке меж стволов Бореол увидел отсвет огня. Активировались огненные ловушки, щедро разбросанные колдунами на подступах. Рев приближался, вгоняя в душу раскаленный стержень из страха и сомнений. Вождь встряхнулся, отгоняя наваждение. Проверил еще раз – легко ли выходит из

петли широкий длинный нож – и сделал шаг вперед. Он Вождь! Он должен встретить опасность первым!

За деревьями замелькали быстро приближающиеся силуэты. Несколько ударов сердца – и на поляну выскочили первые существа. Разные. Человекоподобные – с длинными руками и ногами. Острые когти и выдающиеся клыки способны навести ужас. Рядом приземистые животные на четырех лапах, мощные жгуты мышц перекачивались под темной кожей. Костяные наросты на черепе отливали синевой и, наверняка, хорошо защищали голову. Твари остановились, рассматривая новое препятствие в виде ошестинившихся копьями и стрелами измененных.

Бореол видел продолжающиеся вспышки и слышал визги попавших в ловушки, но он также видел, что на поляну выскакивали больше и больше выживших тварей. Незачем дальше ждать.

Вождь высвободил часть силы из посоха. Над торцом на мгновение повисла триграмма огня, она превратилась в пламенный шар, который с гудением понесся к груди ближайшей ошибки богов. Тварь пошатнулась, выдержав первый удар, но после второго вспыхнула, будто была облита смолой, и покатилась по траве, пытаясь сбить пожирающее пламя. Зрачки Бореола сузились от яркой вспышки, превратились в вертикальные черточки, и он улыбнулся, показав врагам свои собственные клыки.

Рыси и порождения Тьмы очнулись от созерцания друг друга и запели песнь луки, зашестели в воздухе стрелы, загудела выбрасываемая в мир Сила. Темные создания зарычали в ответ и бросились на строй воинов и колдунов.

Глава 8 Грав

Вблизи сельские постройки у непривыкшего человека могли вызвать жалость не только к людям, в них проживающим, но и к скотине. Я оказался непривыкший, поэтому смотреть на халупы было не очень приятно. Тем более в них живут мои будущие подданные. Конечно, и в России есть забытые чиновниками деревни, но так то именно забытые! Здесь же барон, как хозяин всего на свете, обязан заботиться о собственности! Это все равно что открыть предприятие и пустить дела на самотек. Не понимаю. Даже в этой местности, со скудными ресурсами, можно найти прибыльное занятие для людей! Нужно лишь задаться целью!

Дома, точнее домишки, производили впечатление неухоженности и напоминали мазанки нищих крестьян дореволюционного юга Российской империи. Грязно-белые стены, соломенные крыши, маленькие мутные окошки с деревянными ставнями. Дворики небольшие и пыльные. Внутри кроме хозяйского дома помещались, в лучшем случае, пара сараюшек для инвентаря и ненамного больший хлев для животных.

И по-прежнему никого. Скотина продолжала надрываться кто во что горазд. Пехотинцы осторожно двигались к центру села, нервно высматривая опасность. Я обратил внимание, что двойки дружинников с каждым шагом приближались друг к другу, инстинктивно стремясь сбиться в плотный строй. И сам почувствовал себя неудобно. Если опытные солдаты нервничают, то мне и подавно надо бояться.

Неожиданно периферийным зрением уловил движение на крыше ближайшего дома, но когда повернул голову, то увидел только скатывающийся с нее кем-то вырванный пучок соломы.

– Э-э... десятник, – раскрыл я рот.

– Видел, ваша милость, – нервно перебил меня Фиш и заорал: – Сомкнуть строй! Да скорее же, близорово^[7] отродье!

– Что случилось? Почему... – Тут я заметил почему, и самому захотелось заорать благим матом. Из небольшого переулочка выскочили три существа. Зурима спрашивать, как они выглядят, уже не буду. Однако откуда они взялись такие, спрошу обязательно. Потом. Если в живых останусь.

Одна тварь (иначе не назовешь) напоминала безволосую человекоподобную обезьяну, ростом за два метра. Маленькие глазки сверкали злобой из-под выдающихся надбровных дуг. Существо имело длинные мощные руки, а пальцы заканчивались дециметровыми когтями. Под коричневой кожей бугрились нехилые мышцы.

Рядом с этой пародией на представителя отряда приматов ощерили пасти еще два страшилища. Они стояли на согнутых четырех лапах, готовых в любой момент отправить тело в стремительный убийственный бросок. Обе твари медленно переставляли лапы с кошачьей грацией. Видно, как при каждом таком шаге лопатки на спине животных поднимались, натягивали почти черную кожу и опускались. Грудь, голову и части тела, порой в самых неожиданных местах, защищали роговые пластины с синеватым отливом. Несмотря на общее сходство с огромными хищными кошками, существа ими не являлись. Морды абсолютно не кошачьи.

Жуть какая! Стивена Кинга бы сюда. Порадовался бы человек.

Эти мысли промелькнули за считанные секунды, затем обстановка резко изменилась. Момент, когда это произошло, я тривиально прозевал. Все так быстро закрутилось, завертелось, что не успел как следует испугаться и тем более подготовиться.

Слева раздался рев, и мелькнувшая тень сбила на землю лекаря вместе с лошадью. Меня обдало фонтаном крови, в ушах надолго поселился душераздирающий вопль. Черныш резко отскочил вбок (никогда бы не подумал, что кони так умеют), чуть не выбросив меня из

седла, и самостоятельно развернулся навстречу опасности. Только тут увидел, кто стоит рядом. Еще одно человекоподобное создание, ощерив клыкастую пасть, приготовилось к следующему прыжку. Лошадь лекаря выпускала последние вздохи. Тварь разворотила ударами когтистых лап ее бок и холку. Ребра несчастного животного вылезли наружу, а кусок мяса с холки и гривы оказался вырванным, обнажив бело-красные позвонки. Кобыла лежала на земле, подмяв под себя Корниса вместе с нужными сейчас амулетами.

В считанных метрах десяток Фиша пытался сдержать натиск остальных чудовищ. Слышались крики умирающих, ругань еще живых, рычание монстров; доносился скрежет когтей о металл доспехов, десятник пытался раздавать команды, но его, похоже, никто не слушал. Все это было рядом и одновременно где-то далеко. Мозг просто перестал воспринимать посторонние звуки. Время застыло. Мир замер. Остались только я и тварь. Мы смотрели друг на друга целую вечность – тварь с ненавистью, я – с ужасом. А потом мир наполнился звуками и рухнул, выбив воздух из моей груди. Это Черныш встал на дыбы, я не удержался в седле и свалился на землю. Ездун из меня тот еще оказался. Но сейчас это как нельзя кстати пришлось. Над головой пронесся силуэт монстра. Даже представлять не хочу, что стряслось бы, получишь у него дотянуться своими когтями.

Невзирая на боль в спине, быстро перекатился на живот. Вскочил на ноги и вскинул к плечу арбалет, который умудрился не выронить во время падения. Тварь уже успела развернуться и показала оскал. Двойной щелчок, и оба болта вошли ей в живот по самое оперение. Она дернулась, но не назад, как можно было надеяться, а вперед. На меня. Но тут откуда-то из-за спины прилетела длинная стрела и застряла в шее этой человекоподобной гадины. Тварь завертелась волчком и заскулила по-псиному.

– Да когда же ты сдохнешь! – Меня распирало от нахлынувшей гаммы чувств – страха, ненависти, омерзения, удивления. Я вытащил меч из ножен и ощутил горячую волну, которая пронеслась от кончиков пальцев ног и до макушки, выплеснулась в руки, с них перекинулась на лезвие. Непонятная энергия окутала его голубым маревом, и меч с легкостью вошел в тело монстра. С чавканьем из груди уже мертвого зверя появился кончик еще одного клинка, и тут же исчез обратно. Тварь рухнула, чтобы больше не встать. Перед моим взором предстал десятник.

– Живы? – тяжело дыша, хрипло спросил Фиш.

Сил отвечать не было, и я просто кивнул. Затуманенным взором окинул поле боя в поисках очередного противника. Никого не нашел. Сознанию потребовалось время, чтобы осмыслить увиденное.

Мертвые твари. Разорванные пополам тела дружинников. Оторванные руки. Одно тело лежало без головы, и темная кровь из шеи убитого еще выливалась толчками. Окровавленные элементы доспехов валялись повсеместно. Двое уцелевших дружинников, не считая десятника, затравленно озирались, не веря, что все закончилось. Остальным вряд ли удастся помочь, даже если кто-то еще жив. Это на Земле можно успеть спасти раненого с оторванной ногой, рукой или пробитой грудной клеткой. Но здесь и сейчас... Сомневаюсь.

В ноздри запоздало ударил смрад вывалившихся наружу внутренностей. В животе возник позыв к рвоте, он поднялся к горлу, и тошнота выплеснулась на внутреннюю поверхность забрала. Идиот! Хватая ртом воздух и стараясь удержать очередной комок в горле, лихорадочно сорвал салат и, больше не сдерживаясь, выплеснул на землю все, что думал об увиденном.

– Ничего, ничего, – стучал по моему плечу десятник. – Главное, что вы обрели, наконец, Дар рода вашего. Вот господин барон обрадуется-то!

– Угу, – только и смог, что коротко поддакнуть десятнику через силу, вытирая рукой желчь с губ. «Пусть так, только давайте уйдем отсюда!» – хотелось крикнуть.

Десятник сделал шаг ко мне и стал так, чтобы успеть прикрыть меня щитом.

«Неужели еще твари?» – промелькнула паническая мысль. Я развернулся, выставя меч перед собой. Кроме Зурима и дружинника, которого оставили сторожить имущество и единственного механика, никого. Они с опаской приближались, держа наготове оружие. Видать, решили помочь, когда услышали крики. Похвально. Обязательно благодарственную грамоту выпишу.

– Где опасность? – недоуменно спросил у десятника. Не Зурим же насторожил Фиша.

– Справа. У крайнего дома, – тихо ответил мне ветеран.

Два высоких человека стояли и смотрели на нас. У каждого в руках длинный лук (так вот, значит, откуда прилетела стрела). Оба одеты одинаково – штаны из темной кожи, куртки, выкрашенные под цвет листвы. На поясах висит множество ножей. За спинами виднеются колчаны со стрелами. Выражения и черты лиц разобрать не представлялось возможным, потому как физиономии незнакомцев были размалеваны темно-синей и зеленой краской.

Облегченно выдохнув, обратился к десятнику:

– Чего ты так всполошился? Не чудовища, и ладно. Вон, помогли даже, – я кивком указал на длинную стрелу, торчащую из шеи напавшего на меня существа.

Зря посмотрел в сторону трупов, едва опять не стошнило.

– Так это ж мутанты, ваша милость, – буркнул недовольно Фиш. – От них никогда не знаешь чего ожидать. Сейчас-то помогли, а следующая стрела тебе в глаз прилетит. Нелюди, они нелюди и есть. Лишить жизни доброго человека для них первейшее дело.

На бурчание ветерана внимание обращать не стал. Меня больше интересовали новые фигуранты. Может, они и не мутанты вовсе. Передается, например, из поколения в поколение косоглазие, вот местный люд и сторонится «проклятых». И потом, отряд потерял семерых... Хотя нет, лекарь под лошадью застонал. Выжил, зануда.

Десятник Фиш

А наследник не сплеховал. Что не могло не радовать. Случись иначе, пришлось бы держать ответ перед старым бароном и, главное, перед своей совестью. Но все закончилось относительно хорошо. Солдат, конечно, жалко, хорошие парни были, только тут уж ничего не поделаешь. Судьба, видать, такая у них. Главное, что у наследника Дар проявился. Он не каждому Ласкону достается. Плохо, что старому барону не повезло с ним, может, и не случилось бы столько несчастий, сколько выпало на долю правящей семьи и подданных.

– Фиш. Соберись давай, – донеслось до слуха десятника.

«О, боги. Позор-то какой! – восторженно воскликнул Фиш. – Неужели старею».

– Виноват, ваша милость.

– Чего делать будем? – Наследник показал сначала на убитых, потом на мутантов, которые продолжали стоять на небольшом взгорке у крайнего дома.

Фиш снял шлем, пригладил мокрые от пота волосы и настороженно посмотрел в сторону пришельцев из-за реки.

– Ну, раз такое дело. Раз мутанты в нас не пуляют почему зря, то надо, значит, воспользоваться странной добротой их и заняться неотложными делами, – ответил и нахлобучил шлем обратно на голову. – Раненым нашим помочь надо и, главное, узнать, что с селянами. Живы ли? Коли живы, то где спрятались? – забубнил Фиш и, не забывая об опасности, стал так, чтобы успеть прикрыть собственным телом наследника в случае чего.

– Помогите вытащить нашего мага-горемыку.

На пару с молодым Ласконом выдернули из-под лошадиной туши Корниса. Лекарь застонал от боли и снова провалился в беспамятство. Десятник мельком осмотрел мага и удрученно покачал головой:

– Плохо дело. Обе ноги сломаны.

– Ничего. Мы за лечение немного возьмем. Всего пару десятков золотых, – попытался пошутить подошедший Зурим.

– Поговори мне, – рыкнул десятник. – По сторонам смотри, герой.

– А я чего? Я ничего. О благосостоянии нашем забочусь. Может, на эти деньги получится кристалл зарядить для голема. – Видно, что за глупой шуткой механик пытается скрыть собственный страх.

– Кто о чем, а наш Зурим о железяках, – буркнул Буча – дружинник, которого оставляли вместе с механиком. Дородный воин не оправдывал свое прозвище. Из-за медлительности и неповоротливости его и оставили в паре с механиком, чтобы не мешался, случись бой. Зато из арбалета он стрелял на диво хорошо, поэтому Буча и терпел капитан.

– Хватит! – сказал наследник. Вроде не особо громко, но с такой сталью в голосе, что присутствующие невольно вздрогнули.

Подобных интонаций от молодого барона раньше никому слышать не доводилось.

«Прямо на глазах мукает», – удивился десятник и пристальнее посмотрел в лицо молодому властителю. Страх из глаз еще не исчез, но возникшая маска бесстрастия говорила, что внук барона уже взял себя в руки, и гораздо быстрее, чем любой из выживших.

Фиш удовлетворенно крякнул в усы. Увиденное порадовало его.

– Кулак, Зума, вы ранены? – обратился к воинам младший Ласкон. Они были все залепаны кровью, и не понять, чужая это кровь или натекла из полученных ран.

– Пустяки, ваша милость. Переживем. Пара царапин, и все, – за двоих ответил Зума.

– Тогда возьмите с собой Буча и пройдите по селу. Попытайтесь найти следы крестьян.

– Э-э, ваша милость... А ежели здесь еще твари остались? Нам же всем конец тогда. Нет, разделяться никак не можна, – попытался воспротивиться Буча.

– Думаю, мы всех убили. Иначе мутанты не стояли бы так расслабленно. Верно говорю, десятник?

Все повернули головы в сторону гостей из леса.

И правда. Мутанты просто продолжали стоять на одном месте, и даже стрелы убрали обратно в колчаны.

– Ваша истина. У них нюх, что у пса сторожевого, – согласился с доводами Фиш и тут же рыкнул на подчиненных: – Чего стали, козлы беременные! Марш исполнять приказ господина!

Дружинники нехотя отправились по дороге, постоянно оглядываясь по сторонам.

– Зурим, займись лекарем. Наложит шины, что ли. Сможешь?

– Попробую.

– Если возникнут трудности, позови.

То, что произошло дальше, десятник никак не ожидал. Младший Ласкон приглашающе махнул мутантам, и те потрусили в сторону людей, будто только этого и ждали.

Глава 9 Грав

Когда я отослал солдат прочесывать селение, меня посетила мысль, что неплохо бы узнать настоящие имена дружинников. Прозвища за время пути сюда узнал, а вот имена нет. Как-то неловко называть здоровых взрослых мужиков по кличкам. Словно они блатные какие-то или подростки. Я понимаю, что так тут заведено, но лично мне это создает неудобство. Да и для имиджа полезно проявлять толику уважения. Если быть благородным, так во всем.

Попросив Зурима заняться магом (все равно я не знал, какая точно требуется помощь), я, неожиданно для самого себя, приглашающе помахал рукой мутантам. Еще большей неожиданностью стало их быстрое приближение. Заметив, как Фиш напрягся, успокаивающе похлопал его по плечу. Я ни капельки не чувствовал угрозы, и мутанты не проявляли никакой враждебности по отношению к нам.

Они довольно быстро приблизились и остановились в каких-то пяти шагах. Теперь появилась возможность рассмотреть их подробнее. Что тут сказать?! Передо мной стояли действительно мутанты! Сразу бросалось в глаза различное количество пальцев. У того, что слева, – на одной руке было пять, на другой шесть. Верхняя челюсть немного выдается вперед. Из-под верхней губы белеют два пожелтевших клыка.

У второго с лицом и руками все было в порядке. Зато глаза явно нечеловеческие. Светлорыжие, с вертикальными зрачками, точно у кошки. В остальном же от людей мутанты не отличались. Если и были еще различия, то незаметные. Не просить же мне их раздеться для осмотра, чтобы выяснить это?

Я склонил голову в знак приветствия и сказал:

– Благодарю вас за оказанную помощь. Надеюсь, смогу достойно отблагодарить столь доблестных воинов. Просите. Если это будет в моих силах и не уронит моей чести, я исполню пожелание.

О как сказано! Сам себе нравлюсь. Настоящий барон.

– Носи и никогда не снимай. – Мутант с клыками протянул мне плоскую деревяшку на шнурке. – Так ты сможешь нас отблагодарить.

Недолго думая, взял в руки безделушку. Ничего особенного. Деревяшка длиной сантиметров десять. Похоже, покрыта лаком. В отверстие протянута веревочка, и собственно, все.

«Если это все, то почему бы и нет», – подумалось мне. И не обращая внимания на слабый протест десятника, повесил презент на шею.

Удостоверившись, что сделал, как просили, мутанты развернулись и бегом помчались прочь.

Странные. Ни здравствуйте, ни до свидания.

– Что вы наделали, ваша милость! – с ужасом в голосе произнес десятник.

– Что тут такого? – не понял я. – Нормальные мужики. Вроде.

Зурим тоже стоял и глазел на подарок, а сам бледный-бледный. Может, ошибку совершил, приняв подарок? Вон как вылупились.

– Мутанты – колдуны поголовно. Выкиньте ЭТО. Прошу вас, господин, – продолжал причитать Фиш.

– А ну успокоиться! Быстро! – окрик подействовал. Десятник взял себя в руки.

– Объясни, что с дощечкой не так, – потребовал я.

– Так колдуны же. Мало ли... Проклятье заточили в дерево или другую пакость измыслили.

– И все? – хотелось рассмеяться. – Больше ничего стоящего сказать не можешь?

Фиш пристыженно стушевался и шумно засопел в усы.

– И все же советую к магу обратиться, когда оклемается. А лучше сразу выкиньте.

– «Выкиньте» подождет. В конце концов, эта деревяшка – небольшая плата за спасение моей жизни.

– Так-то оно так, но...

– Хватит, – сказал, а у самого червячок сомнения зашевелился в груди. Вдруг в самом деле вручили гадость какую-то? Что в этом мире существует магия, уже не сомневался.

– Кстати, что там со мной произошло во время боя? Толком ничего не понял. Про какой Дар ты толковал? – поинтересовался у десятника.

– Вы не помните? – Фиш покосился на меня и, как бы извиняясь, пожал плечами. Раскрыл рот, чтобы ответить, но инициативу перехватил Зурим.

– Да магия это обычная. Почти, – поправил сам себя механик. – Просто в отличие от обыкновенных магов такие люди, как вы, могут использовать только внутреннюю силу. Чтобы стать полноценным магом, этого мало. Использовать энергию стихий вы никогда не сможете, черпать ее из накопителей, соответственно, тоже. Поэтому и в академию таких редко берут. Незачем тратить время на тех, кого после одного-двух заклинаний на погребальный костер придется класть. К тому же период накопления резерва очень велик. Бывают исключения, но таких уникалов сразу истребляют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.